* російською мовою *

Тайный договор

Беседа затягивалась, но никто этого не замечал: ни ребятишки, без приглашения проникшие в зал районного Дома культуры, ни взрослые, обычно занятые, обремененные и домашними и служебными делами. Полковник в отставке Красюк, приехавший накануне в Веселый Подол, вел неторопливый рассказ о давно прошедших днях Великой Отечественной войны.

Некоторые из присутствующих его знали не первый год.

Хорошо помнил его, например, старый врач Никодим Иванович Сулима… Десять лет тому назад, в одну из тревожных июньских ночей к врачу постучали. К внезапным вызовам Никодим Иванович привык, но в войну в такое позднее время к нему приходили обычно те, кто избегал вражеского глаза и, естественно, не хотел, чтобы его видели днем.

Трое вооруженных хлопцев внесли в сени человека, завернутого в пеструю немецкую плащ-палатку. На широкой лавке при свете керосиновой лампы Никодим Иванович, ни о чем не спрашивая, осмотрел раненого, извлек у него из голени пулю и сделал перевязку, пользуясь для этого куском чистого полотна.

Друзья раненого стояли молча, пока не была окончена операция. Потом один из них, видимо, старший, сказал:

— Спасибо вам сердечное, товарищ доктор!.. Мы очень просим: оставьте у себя нашего товарища… А когда он станет на ноги, отправьте его в лес… Никто, — говоривший пристально глядел в лицо доктора, — никто не должен знать о раненом. Иначе… Да вы знаете, что бывает в таких случаях… Предателя и под землей найдем.

Они пожали руку своему товарищу, оставили ему две полные запасные кассеты к пистолету и ушли.

Двенадцать дней раненый жил в погребе у врача, еще восемь дней у соседки Марины. Немцы кого-то упорно искали, но люди в Веселом Подоле умели хранить тайны.

Сулима не знал, кого именно он лечил и прятал. Гораздо позже выяснилось, что Филипп Красюк был начальником штаба партизанского отряда.

Помнила полковника и Шура — дочь Сулимы. Вместе с соседкой Мариной она проводила его в Сахновщину, одно из урочищ в Веселоподольских лесах, и помогла переправиться на ту сторону Десны. Долго в Веселом Подоле было неизвестно о дальнейшей судьбе Красюка. Лишь после войны, когда передали по радио Указ о награждении орденом В. И. Ленина врача Сулимы за спасение раненого партизана, узнали, что полковник Красюк жив.

Спустя десять лет после памятных дней 1942 года он, выйдя в отставку, приехал в Веселый Подол на постоянное жительство.

Вскоре после приезда полковника Красюка попросили поделиться воспоминаниями о Великой Отечественной войне.

Районный Дом культуры не мог вместить всех, желающих послушать Красюка, и поэтому пришлось объявить, что полковник выступит не раз, затем придет еще и в школу.

Но Андрейка Седых и его друг Федя Боярченко не могли ожидать так долго и постарались попасть на первую беседу.

Полковник, человек уже в летах, но хорошо сохранивший военную выправку, стоял у застланного красной материей стола. Никаких

записей, конспектов перед ним не было, он лишь попросил поставить стакан воды. Клубный сторож Фома Гордеевич принес полный куманец холодной криничной воды.

У Красюка была седая, почти белая голова, седыми были и небольшие, аккуратно подстриженные усы, только брови оставались черными; на левой выбритой щеке под усы убегал косой лиловатый шрам, и это делало лицо полковника жестковатым, хотя глаза у него были добрые.

Андрейка и Федя, сидя рядом со своим бывшим вожатым Игорем Седлецким, никого, кроме полковника, не замечали, не спускали с него глаз, ловили каждое его слово; смеялись, когда он улыбался, хмурились, когда сводил он в одну линию свои черные брови, вздыхали, когда он задумчиво смотрел в окно.

Неторопливо текла речь Красюка. Полковник рассказывал о том, как был организован отряд, какие боевые задания он выполнял, в каких условиях жили народные мстители. Всё это было интересно, но ребят особенно поразил один эпизод…

В июне 1942 года партизаны, находившиеся на отдыхе после длительного перехода, подверглись внезапному нападению карателей. Им кто-то указал дорогу, подошли они почти бесшумно, без единого выстрела сняли часовых. Только благодаря стойкости и железной выдержке бойцов, находчивости командиров, отряду удалось вырваться из окружения. В бою был ранен начальник штаба, погиб отрядный врач. Партизаны вспомнили тогда о враче Сулиме, командир приказал отправить раненого к нему — до Веселого Подола было не больше пяти километров.

Отряд тем временем уходил от карателей, петлял по лесным зарослям, а по его следам неотступно двигались вооруженные до зубов эсэсовцы. Нужно было задержать их хотя бы на несколько часов, тогда

отряд сумел бы оторваться и, переправившись на ту сторону Десны, уйти от преследователей, отдохнуть, собраться с силами…

Командир выделил несколько бойцов, они должны были задержать карателей. Ценой жизни, но задержать, не пропустить к реке. Происходило это ночью, в обстановке тревожной, напряженной, и только командир знал, кого он выделяет в заслон…

Здесь полковник прервал рассказ, умолк, потом, задумчиво разглядывая настороженные лица слушателей, сказал:

— Про этот случай вы, очевидно, слыхали.

— Знаем, — отозвался кто-то среди наступившей тишины. — Только кто они?

— Кто они? — переспросил полковник.

В Веселом Подоле знали, что в июньскую ночь 1942 года вблизи переправы был бой, немцы долго не могли подойти к реке. Их сдерживала небольшая группа партизан, которая исчезла потом неизвестно куда. Об этом говорили сами немцы и полицейские. Так родилась легенда. Одни утверждали, что группа смельчаков была родом из Веселого Подола или из ближних сел, они-то и знали в лесу все дороги и тропки. Выполнив свою задачу, группа ушла из-под самого носа карателей. Главным было то, что партизаны будто бы остались целы и невредимы. С таким предположением охотно соглашались и не замечали некоторого неправдоподобия: если бы партизаны остались живы, о них со временем узнали бы. Другие считали, что смельчаки были не местными: они ушли из Веселоподольских лесов и больше сюда не возвратились.

— Да, — сказал Красюк, поняв, что никто из присутствующих больше ничего не добавит. — Я тоже не знаю, кто они, и не знаю их дальнейшей

судьбы… Я вернулся в строй двадцать дней спустя после боя на переправе, только отряда своего не нашел: он отправился на выполнение новых заданий, а меня вызвали в Москву… Командир, которого я знал, погиб и унес с собой тайну… В ту ночь отряд потерял более тридцати человек, и никто не мог знать, кто же были оставленные в заслоне товарищи.

Беседа закончилась. Полковник устало опустился на предложенный ему стул, отпил из куманца несколько глотков воды — в зале было очень душно, хотя окна и были раскрыты настежь, — и не торопясь ответил на вопросы…

Седых и Боярченко выходили последними, им хотелось еще хоть сколько-нибудь побыть около полковника, еще что-нибудь услышать.

Приятели жили на одной улице, и домой они возвращались вместе.

Летом в девять часов вечера почти светло, только небо тускнеет, красная полоса на горизонте становится всё тоньше и ниже, словно ветер гасит разбросанные солнцем костры. Свежеет утомленный за день от зноя примыкающий к южной окраине Веселого Подола лес.

Взбудораженные услышанным, друзья шли молча. Каждый думал о своем.

Федя хотел спросить Андрейку, что он будет делать завтра, но, взглянув на озабоченное лицо друга, осекся на полуслове. Федя хорошо понимал товарища. У Андрейки отец не вернулся с войны. Жил Андрейка теперь с матерью и дедом. Каждый раз, когда случалось слушать рассказы о войне, о партизанах, Андрейка задумывался, становился молчаливым. Вот хотя бы на пионерском сборе перед окончанием учебного года, когда в гости к шестиклассникам пришли старые партизаны… Так и сегодня.

Федя, однако, не мог долго молчать.

— Знаешь что, Андрей, — сказал он, — давай завтра за рыбой поедем. Удочки я достал и леску сплел. Во, леска! Сома вытащит, не оборвется.

— Поедем, — безучастно ответил Андрейка и снова задумался.

Федя ломал голову над тем, как бы отвлечь Андрейку от мрачных мыслей, и, ничего не найдя, спросил:

— Как ты думаешь, они… погибли?

Федя говорил, конечно, о тех партизанах, которые были оставлены в заслоне.

— Кто ж его знает, — ответил Андрейка.

— Если б не погибли, то объявились бы. Я так думаю.

— Само собою.

— Они из Веселого Подола, — убежденно сказал Федя.

— Ты откуда знаешь?

— Все так говорят… И дед твой говорил.

— Догадывается, — сказал Андрейка. — Все только догадываются.

— Это верно, — вздохнул Федя.

Друзья помолчали. Они уже вышли на свою улицу, но расставаться не хотелось. Вид у них был необычный, словно ребята знали что-то очень важное и хотели поговорить об этом, но как-то не могли отважиться и сразу все сказать друг другу. Но молчать дальше тоже было нельзя.

— Что если нам взять да и махнуть… в лес, — начал было Федя. — Не-е, лучше не надо.

Андрейка пристально взглянул на товарища.

— Я знаю, что ты хочешь сказать… Про это самое и я думал.

— Правда?

Глаза у Феди заблестели. Вылезшие из-под фуражки волосы растрепались на лбу.

— Пойти в лес и поискать, — сказал Андрейка, — может, и найдем что-нибудь. Правда?

Федя кивнул головой: угадал.

— Давай сходим, — предложил Андрейка.

— Когда?

— Завтра.

У Феди зачесался затылок, пропала охота разговаривать. Так бывало не раз: как только речь заходила о деле, он остывал. Андрейка был другим: каждый свой шаг он обдумывал не торопясь, но зато начатого не бросал.

— Я бы пошел, но если дома узнают, — сказал Федя, — не пустят.

— Мы к вечеру вернемся.

Андрейка оглянулся. По улице мимо них промчала машина, розоватая пыль медленно садилась на деревья. Из соседнего двора вышли две женщины и направились в магазин. Больше на улице никого не было.

— Значит, договорились? — спросил Андрейка.

— Ладно, договорились.

— Завтра утром заходи ко мне… Я буду ожидать.

— Зайду.

Кивнув друг другу головой, они разошлись по домам.

Дед и внук

Андрейка Седых и его мать Мария Ивановна жили в Веселом Подоле со дня окончания войны. Раньше, до приезда к деду Силе Саввичу, жили они недалеко от Ярославля, в небольшом рабочем поселке.

Отца своего Андрейка помнил смутно: сельский учитель Антон Седых ушел в армию, когда сыну было всего два года. Андрейка знал отца больше по фотографиям и рассказам матери.

К концу войны мальчику исполнилось семь лет. К этому времени он уже многое знал и больше всего любил мечтать. Ему очень хотелось увидеть отца, попросить "насовсем" погоны, чтобы поносить хотя бы немного, подержать в руках отцовскую фуражку, подробно расспросить

о войне, о том, как он воевал. Но однажды — Андрейка пошел тогда в первый класс — стало известно, что отец, выполняя боевое задание командира одного из партизанских отрядов на севере Украины, пропал без вести. Это было официальное извещение из военкомата…

Желтый листок с утра до вечера лежал на столе. Андрейка со страхом глядел на него и боялся прикоснуться. Не верил в гибель отца, надеялся на его возвращение. Но прошел год, потом еще один, надежда становилась всё более смутной…

Андрейка сидел в комнате один. Матери еще не было. Мария Ивановна приходила с работы после шести вечера, но сегодня она почему-то задерживалась.

Дед Сила возился в саду у своих ульев. Андрейка любил помогать ему, Сила Саввич сделал специальную сетку для внука. В другое время Андрейка пошел бы в сад, но сегодня хотелось побыть одному.

Старательно вымыл руки под краном у крыльца, причесался перед зеркалом и, достав фотоальбом, который хранила мать в сундучке, сел за стол.

На фотографии отец совсем молодой, видимо, тогда еще студент, в полный рост стоял среди своих товарищей. Он смотрел прямо в глаза Андрейке и, казалось, одобрительно улыбался. Отец, наверно, был сильным. У него крепкая шея спортсмена, высоко поднятые плечи, а лоб такой, как у Андрейки, — высокий и выпуклый, а глаза не такие. Мать говорила, что у отца глаза рыжеватые, а у Андрейки, как у матери, — черные. На лацкане отцовского пиджака три значка: один — комсомольский, другой — "Готов к груду и обороне", а третьего Андрейка не знал, мать тоже не могла сказать, какой это значок.

Мальчик гладил рукой фотографию и чувствовал, что глазам становится горячо. Уже давно нет отца. Андрейка почти свыкся с

мыслью, что его и не будет, но каждый раз, когда кто-нибудь начинал вспоминать о партизанах, о войне, Андрейке становилось тоскливо. Ему казалось, что он хорошо помнит, как отец носил его на плечах, как легко подбрасывал вверх до потолка, и сердце малыша замирало от восторга.

Андрейка ничего не мог с собой поделать. Ему очень бы хотелось, чтобы у него был отец — сильный, смелый, с которым можно было бы поговорить, как мужчина с мужчиной, и, если нужно, посоветоваться. Завидовал Андрейка, когда Федор, его товарищ, иногда отправлялся со своим отцом на рыбалку, он у него пожилой, почти как дед Сила, но ведь отец.

Вот если бы оказалось, что в военкомате ошиблись! Если бы в один прекрасный день отец открыл дверь…

В сенях послышалось неторопливое шарканье сапог. Это дед Сила! Андрейка мигом вскочил из-за стола, положил альбом в сундук и, хлопнув крышкой, снова, как ни в чем не бывало, сел за стол. Но дед Сила, несмотря на старость, всё замечал. Дед, однако, никогда не надоедал лишними расспросами. Андрейка сам всё рассказывал деду, но не сразу, а немного погодя, спустя час или два, но только, чтобы никто не перебивал.

Поглядывая на внука, очень похожего на погибшего зятя. Сила Саввич спросил:

— Пришел?

— Пришел.

Старик повесил сетку на крюк у двери, расчесал пальцами бороду и усы.

— Садись… перекусим.

— А маму не будем ожидать?

— Сказала, что задержится… собрание у них… обнаковенно, — добавил дедушка.

Он достал из печи горшок с борщом, налил в миску. Андрейка нарезал хлеб, себе взял поджаристую горбушку.

Ели молча. Дед любил соленое, он присаливал хлеб, подсыпал соли и в ложку.

Поужинали. Андрейка отнес миску, ложки и хлеб на кухню. Вернувшись в комнату, сел к столу. Но не мог усидеть на одном месте. Встал, подошел к этажерке, где были сложены учебники и тетради. Дед Сила снял с крючка сетку и принялся чинить ее. Он изредка поглядывал на внука.

Андрейка, потоптавшись, подошел к деду.

— Дедушка, а я сегодня в Доме культуры был.

— Так… что ж там интересного показывали?

— Ничего сегодня не показывали.

— И кино не было?

— Нет… один полковник — он теперь в Подоле жить будет — о прошлом вспоминал, беседовал.

— Беседовал?

— Да… Нас с Федькой не пускали, а мы через окно.

— Храбрые!.. Влетит вам когда-нибудь.

— Ну и пусть влетает, — вздохнул Андрейка.

Дед Сила отложил сетку в сторону.

— Ты часом не болен?

— Ни капельки не болен. Я всё думаю.

— О чем ты думаешь, внучек?

— Полковник про войну, про… партизан… рассказывал. Как они воевали когда-то… В походы ходили…

Сила Саввич ничего больше не спрашивал. Старик и внук понимали друг друга с полуслова, они старались не говорить о том, что было им дорого и близко.

Андрейка глядел на склоненную голову деда Силы, на изрезанную морщинами его шею, и ему жаль стало деда. Вспомнил, что завтра они пойдут с Федей в лес и подумал: нехорошо будет уйти, не предупредив деда Силу; он станет волноваться, кто знает, что подумает. Надо как-то предупредить его и матери все-таки сказать. Посторонним не следует, а своим надо.

Сила Саввич редко в чем отказывал внуку, и Андрейка, зная это, решил попросить деда отпустить его завтра на целый день в лес.

— Я с Федей пойду… Ягод поищем, — сказал он, — грибов.

Дед Сила провел рукой по вихрастым волосам внука.

— Пойди… Только уговор: вечером чтоб был дома.

— Я, дедушка, быстро вернусь, — горячо уверил деда Андрейка. — Чего мне там задерживаться.

Первый поход

Мальчики двигались в густой заросли орешника уже не первый час. Андрейка — впереди, Федя — след в след за ним. Цепкие ветки переплелись здесь очень густо, их нужно было разрезать ножом или обходить по едва видимым тропкам. Для начала друзья решили исследовать лес, выходивший к берегам Десны В этих местах лесные массивы долгие годы не расчищались, и идти было трудно. Но это их не останавливало.

По лицу Андрейки струился пот, две кровянистые полоски лежали на левой щеке, появились царапины и на руках, но он, несмотря ни на что, шел дальше и дальше в глубь леса.

Двигались сначала молча, потом Федя начал что-то бубнить. Андрейка первое время не обращал на него внимания, но, прислушавшись, понял, что Федя чем-то недоволен и виноват в этом он — Седых.

— Не по-товарищески, — бубнил Федя. — Лучше бы я дома сидел… А еще друг…

Андрейка остановился и, угрюмо глядя в землю, сказал:

— Если трудно, можешь вернуться.

Смугловатое широкоскулое лицо Феди стало красным.

Виновато, будто оправдываясь, он пояснил:

— Я не про то… Я говорю, что ты всё впереди и впереди, а я задних пасу.

Андрейка взглянул на товарища мягче, на губах скользнула улыбка.

— Вот ты о чем… И даром совсем: я предложил — я и буду идти первым.

— Ты предложил?

— Ну, и ты, — примирительно сказал Андрейка, — вдвоем.

— Всё равно, не по правилам. — Федя покрутил головой, снял фуражку и вытер ею вспотевший лоб. — По очереди давай.

Андрейка был ростом ниже Феди, но шире в плечах. Одет он был в красную майку — подарок за лучший результат по бегу среди школьников, черные штаны из чертовой кожи. Федя по случаю похода надел старую серую рубашку и лыжные штаны. У обоих в руках были увесистые палки, за плечами школьные ранцы, в которые вместо книг и тетрадей они положили по краюшке хлеба и куску сала. Мальчики не раз слышали от взрослых; идешь на полдня — бери продуктов на день. Дед Сила как-то говорил Андрейке: "Хлеб нести не тяжело — позже он тебя понесет".

Судя по солнцу, они уже почти три часа находились в Сахновщине — одном из красивейших урочищ в старых Веселоподольских лесах. Не забывали осмотреть каждый куст и дуплистое дерево; если же встречалась мало-мальски приметная пещера, делали остановку,

пробовали палками стены и пол и, удостоверившись, что пещера неглубокая и ничего в ней нет, отправлялись дальше.

Конечно, они порядком устали, но признаться в этом никто из них первым не хотел. И хотя ныли плечи и гудели от усталости ноги, друзья двигались дальше.

И вот теперь в зарослях орешника, образовавшего живую, шелестящую под легким ветром, зеленую стену, мальчики остановились. Кому идти первым? Из-за этого вот-вот могла вспыхнуть ссора.

Федя, по натуре вспыльчивый, готов был на все, лишь бы идти первым, хватит, он и так уже сколько времени плелся в хвосте. Андрейке не хотелось уступать: ему казалось, что Федя пропустит, не заметит самого важного, и весь поход ничего не даст. А ведь они дали друг другу слово — во что бы то ни стало найти место боя партизан с карателями, отыскать утерянные следы неизвестных героев. Однако обижать товарища ему тоже не хотелось. В конце концов Андрейка согласился.

Федя молча надвинул на лоб фуражку, вскинул на плечо довольно потертый ранец, подтянул ремешок на штанах и пошел. Андрейка — за ним.

От деревьев падали темные тени, ни на мгновенье не затихал неумолчный птичий говор. Когда выходили на поляну, сразу светлело, с ветви на ветку переплескивались светлые блики. Где-то высоко, в верхушках сосен и дубов, видимо, было жарко, а здесь, под деревьями, стояла прохлада, густой зеленый свет наполнял чащу.

Время подходило к полудню, можно было уже перекусить. Не желая останавливаться, Федя брел дальше. На шее у него косо лег красный рубец, соленый пот заливал лицо, но он и не думал жаловаться, ему хотелось доказать товарищу, что он тоже может идти первым, притом не хуже других.

Всё было бы хорошо, но в одном месте, когда они миновали полянку, случилось непредвиденное. Андрейка спокойно шел вслед за Федей, и вдруг в нескольких шагах от него раздался треск, послышался глухой шум. Андрейка бросился вперед и прямо перед собой увидел Федю, провалившегося в муравьиную яму. Вокруг ползали тысячи, пожалуй, сотни тысяч муравьев…. Федя силился выбраться из ямы, но это ему не удавалось: при каждом движении земля перед ним рушилась, и он проваливался глубже. Андрейка моментально отбросил в сторону ранец, расстегнул ремень и бросил его Феде. Большие, желтые, будто бронзовые, муравьи с сухим зловещим шелестом ползали вокруг, лезли на ноги, забирались под майку, но Андрейка изо всех сил тащил Федю из западни.

С большим трудом, с помощью Андрейки Федя вылез из ямы и принялся яростно отбиваться от муравьев. Он стряхивал их с рук, с ног, груди, тряс штаны, рубашку. Однако, как он ни старался, руки шея, лицо — всё успело покрыться красновато-бурыми пятнами. Муравьи жгли его и он не мог удержаться, чтобы не чесаться.

Андрейка вытащил из ранца бутылку с водой и, открыв ее, сказал:

— Обмойся…

И полил товарищу на руки. Феде стало легче.

— И как это меня угораздило, — сказал он, всё еще испуганно оглядываясь на зиявшую в пяти метрах муравьиную яму.

— Бывает, — неопределенно заметил Андрейка. — Мне дед Сила рассказывал, как однажды заяц провалился в такую яму. И что ты думаешь? Муравьи слопали его, ничего не оставили.

— Правда?

Федя побледнел, и оттого бурые пятна на шее и подбородке стали отчетливее, гуще. Не будь рядом Андрейки, не выбраться бы Феде из глубокой, с рыхлыми краями ямы. Не оставляло неприятное ощущение того, как земля под ногами еле держалась, вот-вот готовая обрушиться. Федя поежился, словно ему стало холодно, и придвинулся ближе к костру.

Он сидел, поджав под себя ноги, молча, как и Андрейка, жарил на вертеле сало. Оно шипел, стекало прямо в огонь, и пламя на мгновение вспыхивало ярче. Сало было готово, а картошка еще не испеклась. Когда она поспела, мальчики выгребли ее палками из золы и, покатав по траве, чтобы остыла, принялись чистить.

Очистив картофелину и перекидывая ее с ладони на ладонь, Федя вдруг тихо сказал:

— Спасибо…

Андрейка недоуменно взглянул на товарища.

— Вот еще, вздумал. Со-всяким бывает.

Поздно вечером они вернулись домой. Их первый поход окончился неудачно.

Еще одна экспедиция

Когда Андрейка Седых и Федя Боярченко собрались исследовать лесные овраги, Игорь Седлецкий встретился с Васей Козиком, Тиной Смоловик и Петей Волошко.

Игорь был у шестиклассников пионервожатым и очень с ними сдружился. Теперь Вася, Тина и Петя перешли в седьмой, а Игорь стал десятиклассником, но дружба их не ослабла.

— Вы слыхали, что рассказывал полковник про бой на Десне? — спросил Игорь, едва они вышли из Дома культуры.

— Слыхали, — ответил Волошко, моргая длинными рыжеватыми ресницами.

— Так вот что, наш учитель Виктор Михайлович сказал: "Плохими вы будете членами краеведческого кружка, если не найдете партизанской стоянки".

— Да-а, — неопределенно протянул Петя, а Тина Смоловик спросила:

— Что же делать?

— Поход организовать — вот что.

— А выйдет что-нибудь? — усомнился Петя.

— Конечно, выйдет… Всегда ты, Волошка, сомневаешься, — набросилась на Петю Тина Смоловик. Она почему-то называла его не Волошко, а Волошка.

— И совсем я не сомневаюсь. Я просто интересуюсь.

— Когда пойдем? — спросил Вася Козик. Самый любопытный и нетерпеливый в шестом классе, он готов был сию минуту отправиться в поход.

На пустыре, где они стояли, собирались мальчишки с соседней улицы, чтобы поиграть в футбол. Кто-то из них пробежал мимо, гоня перед собой мяч, другой налетел сбоку, миг — и мяч выбит из-под ног. Ни на кого не обращая внимания, мальчишки увлеченно занимались своим делом. Тина, не выдержав, крикнула:

— Колька, бей слева!..

В тот же момент высокий белокурый футболист изо всех сил ударил по мячу и угодил прямо по голове Волошко.

— О-о, чтоб не сомневался, — звонко рассмеялась Тина.

— Я тебе, — погрозил футболисту Петя, потирая ушибленное место.

— Отойдем лучше — улыбаясь, сказал Игорь. — А то еще попадет.

Он завел ребят в городской скверик и здесь на одной из глухих дорожек, посыпанных крупным речным песком, предложил, не откладывая, готовиться к походу в Сахновщину. Для этого необходимо было достать маленькую лопату, небольшой топорик, плащ-палатку на случай дождя, компас. Каждый должен иметь ранец или рюкзак и еду на один день.

— Отправимся завтра, — сказал Игорь, когда обо всем договорились.

— Где сбор? — спросил Вася Козик.

— В школе. В шесть утра.

— Тина, гляди не проспи, — пошутил Петя Волошко.

— Кто бы говорил, а ты, видно, забыл, как тебя будили?

Однажды учительница решила оставить пятый класс после уроков еще на полчаса. Она хотела поговорить с ребятами о том, как нужно вести себя на переменах. Всё было бы хорошо, но говорила она долго и монотонно, и минут через двадцать на последней парте послышалось звучное посапыванье.

Класс оживился, учительница умолкла.

Что же это творится, да еще на воспитательном уроке?!

Забравшись с ногами на парту, укрывшись пальто, Петя Волошко сладко похрапывал. Учительница подошла к нему и потянула за рукав. Но Петя не проснулся. Учительница затормошила Петю сильнее:

— Вставай же! Проснись! Волошко!

Петя, натягивая на голову пальто, плачущим голосом просил:

— Отстань... Я спать хочу... — Он не знал, что его будит учительница.

Вспомнив теперь об этом случае, товарищи дружески подтрунивали над Петей Волошко. Он помаргивал рыжеватыми ресницами, смущенно улыбался, но не сердился.

Куда девался Козик?

Точно в назначенное время — в таких случаях не опаздывают — все собрались у школьного крыльца.

И тут не обошлось без веселой минутки. Увидев Петю Волошко в соломенном брыле с огромными полями, Тина так и покатилась со смеху. Петя, в самом деле, выглядел довольно смешно: невысокий, лицо маленькое, острое — под брылем его почти не видно. Зато рюкзак у него оказался лучше всех: новый, с кармашками.

Тина Смоловик была в тапочках, лыжных зеленых брюках из легкой фланели, голубой майке, белой панаме. За плечами у нее лежал туго набитый мешок. Гладко выструганная палка, которую Тина держала в руках, довершала ее походное снаряжение. Вася Козик, как и

Седлецкий, был в тюбетейке и безрукавке. Рюкзака у Васи не нашлось и он взял с собой ранец. За пояс он заткнул маленький топорик, к ремню пристегнул настоящую флягу. Игорь принес с собой плащ-палатку и маленькую лопату. Оглядев друг друга, ребята тронулись в путь.

Лес начинался в двух километрах от Веселого Подола. Это расстояние преодолели быстро и без каких-либо приключений, если не считать, что Вася Козик из большого желания немедленно начать исследование лесных оврагов забежал вперед, взобрался на придорожный взлобок, чтобы осмотреть местность, оступился и угодил в канаву с крапивой. Седлецкий и Волошко помогли ему выбраться. После этого случая он вел себя спокойнее, шел рядом с Седлецким, хотя это и стоило ему больших усилий. Васе хотелось как можно скорее всё осмотреть и исследовать.

Лес надвинулся как-то сразу. Огромные сосны, перемежаясь с могучими дубами, встретили юных исследователей приветливым, слегка приглушенным гулом и прохладой. Под ногами шелестели зеленые травы, потрескивали сухие ветви.

— Куда пойдем сначала? К Десне? — спросил Вася Козик Седлецкого.

— Выйдем к Десне, — сказал Игорь, — потом разделимся на две группы и начнем. Сначала исследуем берег, может быть, там найдем что-нибудь.

— Говорят, на Десне переправа была, — отозвался Волошко.

— Поправь брыль, Петя, — съязвила Тина. Петя промолчал, а Игорь продолжал излагать свой план поисков.

— Исследуем берег и в лес углубимся, осмотрим каждую пещеру, каждое дупло.

— Только внимательно надо глядеть, — сказал Вася.

— И главное не спешить, — заметила Тина. Замечание ее больше всего касалось Козика: тот всегда куда-то торопился.

Вступив в заросли лозняка, ребята умолкли. Здесь они бывали каждое лето, но разведчиками они пришли впервые, и поэтому невольно подтянулись, стали внимательнее осматривать каждый куст и овражек.

Река показалась не сразу. Сперва сквозь кусты проглянули маленькие, словно осколки зеркала, голубоватые кусочки речной глади, потом осколки превратились в большое озеро и, наконец, открылась вся река. Зажженная утренним солнцем, она переливалась, играла, уходила далеко-далеко, а из-за меловой горы появлялись всё новые и новые потоки света и сини. За рекой простирались до едва заметных на горизонте деревень разливы лугов.

— Здесь и отдохнем, — сказал Игорь. — Садись, Тина, — добавил он, заметив, что девочка не садится, хотя все уже уселись прямо на песок, влажный от утренней росы.

— Красиво тут! — прошептала Тина.

— Утром здесь особенно хорошо, — сказал Седлецкий. — Мы с батей в этом году уже несколько раз рассвет встречали вон там, на острове.

— Рыбачите? — спросил Вася Козик.

— Рыбачим… Уходим с вечера. Не заметишь, как на зорьку начнет заниматься.

— А меня не берут, — пожаловался Вася. — Сколько я просил и всё даром: нельзя и всё.

— Правильно… Заснешь да в воду свалишься, — сказала Тина.

— Кто я?.. Да я три ночи могу не спать.

— А чего, он смог бы, — сказал Петя, чтобы поддержать товарища. — И я тоже смог бы.

— Петя, у тебя снова брыль надвинулся на нос, — сказала Тина.

— А ты лучше свой нос береги.

— Молодец, Петя, отбрил! — воскликнул Вася. Его рот растянулся в довольной улыбке.

— И не отбрил совсем, — заметила Тина, но больше Петю не задевала.

Посидев немного, собрались и двинулись, как и намечал Игорь, вдоль берега. Впереди шел вожатый, слева — Петя Волошко, справа — Тина Смоловик, рядом с Тиной — Вася Козик.

Внимательно осматривали каждый куст, не пропускали ни одного углубления, вырытого неизвестно кем и когда на берегах Десны.

Время шло незаметно. Игорь, наметив в первый день исследовать берег Десны на протяжении двух километров, надеялся потом расширить зону исследования и постепенно обойти весь примыкающий к реке участок.

Ребята приустали, можно было уже и отдохнуть. Больше всех утомилась Тина, к тому же она исцарапала себе руки. Заметив, что девочка чаще других останавливается, Игорь попросил отдать ему мешок, но она отказалась:

— Не слабенькая, донесу.

Прошли еще с километр. Вдруг Петя предложил сделать остановку.

— Устал? — спросил Игорь.

— Да… и… есть охота, — сказал Волошко, стараясь при этом не глядеть на Тину.

Игорь присмотрелся к Пете: у мальчика, по сравнению с другими, был свежий вид, на курносом лице ни единой росинки, он шел легко, нес свой рюкзак, казалось, без особых усилий. Почему же он вдруг объявил, что устал? Отворачивается, не смотрит в глаза. Между тем, Петя, не дождавшись согласия Игоря, уже помогал Тине снимать вещмешок. Седлецкий оценил жертву Волошко: в иной обстановке он бы ни за что не признался первым, что устал.

Когда вещмешки и рюкзаки были сняты и все уселись в кружок, Вася Козик предложил развести костер.

— Давайте кашу сварим. Но нужен хворост. Кто пойдет? — спросил Игорь.

— Кто предложил, тот и пойдет. Правда, Вася? — подмигнул Козику Волошко.

— Сейчас будет хворост, — сказал Вася. — А в другой раз ты пойдешь.

Легкий на подъем, Вася тотчас встал, отстегнул флягу, достал из вещмешка веревку.

— Далеко не ходи, — предупредил Козика Игорь.

— Я к Крапивному. Туда и назад…

Хорошо растянуться на зеленой молодой траве, дышать свежим воздухом и слушать, как поют птицы, плывут над ветвями легкие белые облака.

Тина, сорвав ромашку, медленно отрывала лепестки: Петя мурлыкал какую-то песню; Игорь, вытащив из кармашка блокнот и тоненький зеленый карандаш, что-то торопливо записывал.

Ребята знали, что скоро разведут костер, сварят добрую кашу, а потом пойдут дальше. Они спокойно ожидали возвращения Васи Козика с хворостом. Но прошло полчаса, потом еще столько же, а Вася не возвращался Это не на шутку встревожило Игоря и его товарищей…

Дождь в лесу

— Куда ты с утра пораньше собираешься? — спросила мать. — Или тебе мало вчерашнего?

Вчера Андрейка возвратился домой поздно. Увидев его, мать так и ахнула:

— На кого ты похож? Исцарапанный. Ни одной пуговицы на рубашке.

— Я, мам, пришью. Они у меня в кармане.

— Утешил… Где ты был?

Дед Сила Саввич пришел внуку на выручку:

— Хлопец дело задумал, и не шуми на него задаром.

— Какое дело?

— Сурьезное, — ответил Сила Саввич.

— Не скажет — не пущу за порог.

— Мама, это ж тайна…

— От матери тайна?!

Мария Ивановна схватила приготовленный Андрейкой ранец и, раскрыв сундук, бросила его туда.

— Не пущу.

Делать нечего, пришлось Андрейке сказать, зачем он ходил с Федей Боярченко в лес. Он рассказал всё по порядку: сначала о том, что говорил о партизанах полковник в Доме культуры, потом о решении отыскать их следы. Он умолчал лишь о том, что бродили они с Федей не вблизи Веселого Подола, а по Сахновщине, в самых глухих оврагах.

Мария Ивановна слушала сына молча, не перебивая. Андрейка говорил глуховатым ломающимся баском и не смотрел на мать: он знал, что нелегко ей слушать о партизанах. Мария Ивановна глядела на сына, слушала его сбивчивый рассказ, и очень хорошо понимала, что он думает. Хотелось прижать к груди стриженую голову, сказать что-нибудь ласковое, ободряющее. Но Мария Ивановна только вздохнула:

— Ладно, сходи еще раз.

Мария Ивановна знала: если Андрейка захочет чего-нибудь, не отступит, сделает.

— Мы быстро вернемся, — пообещал он. — Мы там все дорожки знаем.

Мария Ивановна положила в ранец несколько яиц, кусок сыра.

— Только дай слово, что будешь осторожным. И не ходи далеко.

— Хорошо, мама!..

— И к вечеру — домой.

— Ладно…

Довольный внуком, дед Сила проводил его до калитки. Там уже поджидал Федя Боярченко. Обернувшись, Андрейка заметил в окне мать: она провожала его…

В середине дня мальчики вышли к озеру Крапивному. Кусты шиповника и бузины, густая, в пояс человека, трава, высокие дубы окружали озеро.

— Отдохнем, — предложил Федя и, сняв с плеча ранец, бросил его под ноги. Андрейка последовал примеру товарища.

— Хорошо здесь, — сказал Федя. — Правда?

Андрейка молча вынимал из ранца его содержимое и, убедившись, что всё цело и не помято, принялся укладывать обратно.

— Тебе не нравится? — спросил Федя.

— Лучше давай отдохнем, чем попусту ахать, — отрезал Андрейка. Ему казалось, что Боярченко да и сам он мало стараются, плохо ищут,

иначе они уже что-нибудь отыскали бы. У Андрейки было такое чувство, словно он ходит где-то вблизи стоянки, а найти ее не может.

Федя привстал, удивленно взглянул на товарища:

— Ты вроде сердишься?

— Вроде.

— На кого?

— На болтунов таких, как ты.

Обиженный такой резкостью, Федя замолчал. Потом, отвернувшись, сказал:

— Если б знал, я не пошел бы с тобой.

— Ну и пожалуйста.

— Пожалуйста?

Андрейка не подумав, обидел самого близкого товарища. Федя надулся, встал и принялся собирать разбросанные на траве вещи: нож, дневник, карандаш, электрический карманный фонарь...

Андрейка смотрел на сборы товарища и покусывал губы. Гордость не позволяла ему попросить извинения. Если бы на месте Боярченко оказался другой, он бы вообще не двинулся с места. Но с Федей так поступать нельзя.

Андрейка кашлянул и примирительно сказал:

— Я не хотел… Ты же знаешь, я не то думал. Совсем не то…

Федя еще быстрее стал собирать свой ранец. Андрейка видел это, но молчал. "Силой колодец копать — воды не нить", — вспомнил он пословицу, которую любил при случае повторять дед Сила. Не захочет Федя идти с ним дальше — не заставишь…

— Федь, ты что, в самом деле?..

— Еще спрашиваешь, — обиженно ответил Федя.

— Ну, уходи, я и сам справлюсь.

Глядя на Андрейку, на его упрямо склоненную к левому плечу лобастую голову, на весь его хмурый вид, можно было с уверенностью сказать: он так и сделает, пойдет один.

В лесу стало пасмурно. Закачались мгновенно отяжелевшие тучи и, касаясь острых верхушек сосен, собираясь в гурты, словно табуны диких с волнистыми гривами коней, низко понеслись над землей. Листья на кустах задрожали, приглушенно зашелестели, светлые солнечные блики, весь день уютно мерцавшие в кустах и траве, потускнели и погасли.

— Дождь будет, а может, и буря, — сказал Андрейка.

Федя, ничего не отвечая, внимательно оглядывал примыкавшую к озеру поляну, выбирал подходящее укрытие на случай дождя. Проследив за его взглядом, Андрейка понял, чего ищет товарищ, и тоже начал собирать в ранец вынутые спички, нож, батарейку.

Он аккуратно уложил ранец и застегнул его. Тут ослепительно ярко сверкнула молния, и над Сахновщиной гулко загрохотал гром. Звучное эхо прокатилось из конца в конец и растаяло где-то в самых далеких

уголках леса. Тяжелые редкие капли упали на потемневшую гладь озера, предвещая ливень. Еще минута, секунда — и дождь накроет их. Надо где-то спрятаться — хоть под кустом.

— По-моему, там есть укрытие, — вдруг сказал Андрейка.

— Где? — Федя в эту минуту забыл, о своем намерении уйти от товарища.

— Вон там, видишь, ветер раздувает куст.

Действительно, в конце поляны, в стороне от озера, под пригорком ветер клонил из стороны в сторону кусты колючего шиповника, и каждый раз за ними открывалась темная впадина.

— Пошли! — Андрейка подхватил ранец и побежал. Федя припустил за ним.

Едва они достигли пригорка, как хлынул дождь: частой сеткой встал перед глазами, и весь лес, до последнего листочка и травинки, притих под благодатным ливнем. В следующую минуту ветер словно прошелся по верхушкам сосен, и они гулко, призывно загудели.

Бинокль

Защищенные от ливня, ребята чувствовали себя в укрытии хорошо. Здесь можно было спокойно сидеть и смотреть, как разгулявшийся ветер гнул к земле тонкие ветки кустов шиповника, метался в верхушках великанов-сосен, рассеченное молнией небо приоткрывало на миг темную бездну, и в свете молнии дождь казался белым, стремительно падающим наземь.

Ливень как внезапно начался, так и прекратился. На поляне стало светло. Отяжелевшие от влаги кусты не шевелились, словно боялись

рассыпать свои блестящие ожерелья. Мальчики смогли теперь оглядеться, внимательно осмотреть место, где они находятся. На глубине двух метров пещера, видимо, кончалась, можно было видеть отвесную стенку, усеянную мелкими белыми грибками. Собственно, то, что они увидели, нельзя было назвать пещерой, просто это было размытое дождями или вырытое кем-то углубление на краю лесного пригорка.

Мальчики собрались уходить. Федя уже набросил на плечо намокший ремень ранца, как вдруг под лучом солнца, проникшим сквозь влажные ветви шиповника, что-то сверкнуло. Федя бросил испытующий взгляд на Андрейку: видел ли тот что-нибудь? Но Андрейка сидел на корточках у входа в пещеру и чертил палкой по земле. Он ничего не заметил. Тогда Федя сделал шаг назад, нагнулся и поднял слабо поблескивавший осколок стекла. Такие осколки он не раз видел у мальчишек. Федя уронил осколок, он ударился о палку, отскочил и упал к ногам Андрейки; тот безразлично взглянул на осколок и ответ глаза, потом снова посмотрел на него, ковырнул стеклышко палкой и вдруг нагнулся, обтер его и поднес к глазам.

— Осколок! — сказал он хрипло и, взглянув на удивленного товарища, спросил:

— Где он лежал?

Федя недоуменно пожал плечом, ткнул палкой в глубь пещеры. Ни слова не говоря, Андрейка достал большой садовый нож, выпрошенный у деда, раскрыл его и поспешно начал копать в том месте, куда показал Федя. Он копал, не оглядываясь на товарища. Боярченко стоял, не зная, что подумать. Он хотел уже посмеяться над необыкновенной чуткостью разведчика, но не успел и рта раскрыть. Андрейка выбросил из вырытой ямки заржавевший бинокль.

— Я так и знал… Вот какое это стекло!

Седых поднял бинокль и, чтобы лучше рассмотреть его, пополз к выходу. Федя сразу понял, откуда здесь появилось стекло и, позабыв все свои обиды на Андрейку, с напряженным вниманием разглядывал находку. Да, это был старый, видимо, даже очень старый бинокль. Его носил на груди какой-то военный, может быть, даже большой командир. Правда, это было давно, ибо ремешки на нем уже истлели и от легкого прикосновения к ним отпали.

— Глянь-ка, вот где разбито, — указал Федя.

Андрейка согласно кивнул: он уже разглядел разбитое стекло в левой трубке бинокля.

— Осколком или пулей попало, — сказал Седых.

— Значит, здесь стреляли, — высказал предположение Федя.

— Само собой… Не играли, конечно.

Сомнений не было: бинокль не случайно попал в лесную пещеру. Мальчики стояли в нерешительности: немедленно бежать с биноклем домой и показать его домашним, или сбегать в школу к Виктору Михайловичу, или оставаться здесь и продолжать поиски.

— Давай глубже будем копать, — предложил Боярченко, — может быть, там еще что-нибудь есть.

Он вынул из кармана нож, вышел из пещеры и вырезал себе большую суковатую палку.

Сначала копал только Андрейка.

Он работал, не чувствуя усталости. Кривым садовым ножом поднимал по доброму комку земли и сильным движением отгребал его в сторону. Федя Боярченко, зацепив землю палкой, выгребал ее из пещеры и разбрасывал под кустами.

Андрейка копал и копал, яма постепенно углублялась и расширялась, в ней уже можно было стоять на коленях. Боярченко, перестав выбрасывать землю, стал копать тоже. Мальчики так увлеклись своим делом, что ничего вокруг не замечали. Они не подозревали, что за их работой следят. Если бы они были внимательнее, то могли бы заметить, что за кустом шиповника притаился человек, он всё время высовывался из-за куста и старался разглядеть пещеру. Но ребята были очень заняты, их занимала одна мысль: скорее выяснить, кому принадлежал бинокль, какую тайну хранит лесная пещера?

Прошел час, может быть, немного больше, прежде чем Федя Боярченко царапнул ножом по какому-то камню, вскрикнув от неожиданности.

Кто следил?

Сухой хворост для костра был поблизости от озера Крапивного — здесь недавно рубили лес. Захватив с собой принесенную из дому веревку, Вася и думал набрать хорошую охапку хвороста возле озера.

Мурлыча себе под нос песенку, он шел по узкой тропке между кустами шиповника, размахивал веревкой, сбивал седой пушок одуванчика, подсекал белые цветы ромашек.

Кончился прибрежный лозняк и начался лес. Здесь уже был валежник, его бы, конечно, хватило для костра, но Васе Козику хотелось принести настоящего хвороста, и он шел дальше, к озеру. У одной сосны, на медном стволе которой выступили белые липучие наросты смолы, остановился. Вот бы побольше набрать смолы; можно было бы

что-нибудь смастерить, клей бы пригодился. Надо будет сказать Игорю и Пете Волошко и на обратном пути задержаться хотя бы на полчаса.

В орешнике внимание Васи привлекла белочка. Она глядела на него черными, блестящими, как шлифованные камешки, глазами, но едва он сделал один шаг, как ее не стало, мелькнул только пушистый хвост.

Выйдя из орешника, Вася попал на небольшую поляну. Отсюда до озера было не больше ста метров, а за озером начиналась лесная порубка. Таким образом, идти оставалось недолго.

Но Вася Козик не сделал дальше и одного шага. Сначала он присел на корточки, потом немного отполз назад и укрылся за деревом. В конце поляны он увидел Андрейку и Федю. Они же его не заметили. Андрейка перебирал что-то в ранце и не поднимал головы. Федя сидел в стороне. Глядя на них, Вася подумал, что они только-что поссорились.

Вася Козик решил выяснить, что делают в лесу его одноклассники. В шестом "А" говорили; Нет крепче дружбы, чем у Андрейки с Федей". Правда, они могли по целым дням не разговаривать. Но стоило кому-нибудь затронуть Федю Боярченко, как на его защиту становился Андрейка. Федя тоже не оставлял товарища в беде. Что говорить, дружба у них была настоящая! Вася Козик завидовал им и не раз пытался вступить в это крепкое товарищество. Но не особенно жаловал Васю Андрейка. Ему не нравилось в Козике излишнее любопытство, граничившее с назойливостью. Вася знал свою слабость, старался избавиться от нее, однако ничего не мог с собой поделать. Если встречался с чем-нибудь новым, забывал о слове, которое давал самому себе — быть сдержанным и не торопиться.

То же самое случилось и теперь. Едва Вася увидел Андрейку и Федю на поляне, притом с вещевыми мешками, вооруженных увесистыми палками, он забыл, что его самого ожидают Игорь и товарищи.

Во все глаза смотрел он из-за своего укрытия на Федю и Андрейку, которые не подозревали, что за ними следят.

По лесу потянуло ветерком. В небе заколыхались темные тучи, глухо загудели верхушки деревьев.

Когда по лесу зашумел дождь, Вася не тронулся с места. Он пожалел только, что не захватил с собой плащ-палатки и не может вместе с Андрейкой и Федей укрыться в лесной пещере. Вася промок до нитки, но это ровно ничего не значило в сравнении с той целью, которую он наметил.

Когда дождь перестал, он увидел: из пещеры вышел Боярченко, вырезал зачем-то большую палку и вернулся назад.

Солнечные блики весело играли на кустах шиповника. Влажные ветви хлестнули Васю по лицу. Он приблизился к пещере и, заглянув туда, замер: Андрейка и Федя усердно копали землю, при входе в пещеру лежали их ранцы, а сверху на одном из них он увидел бинокль — настоящий, военный, правда, поржавевший.

"Только посмотрим и вернемся"

— Это обыкновенный камень, — сказал Андрейка. — Большущий.

— А по-моему, железо, — высказал предположение Федя. Кепка его еле держалась на макушке, клок волос прилип к мокрому лбу, Федя досадливо отбросил волосы со лба и показал Андрейке выщербленный кончик ножа.

— Видишь, и нож не берет.

— Выбрось его. Им только сыр резать.

— А твой лучше?

— Само собой.

— Само собой, — с досадой передразнил Федя. — Хвастаешь, а нож то Силы Саввича…

Разговаривая, товарищи продолжали вместе, бок о бок, углублять яму, старательно очищали ее от камней и каких-то черепков. Работа подвигалась медленно. На дне ямы мальчики обнаружили большой камень. Такие же камни были разбросаны по всей Сахновщине, они представляли собой не слишком толстые беловатые плиты, ими был уложен и весь берег Десны по эту сторону. Камень в пещере мог лежать очень давно, может быть, с тех пор, как стоит земля, или его кто-нибудь сюда положил нарочно и присыпал землей, а спустя несколько лет это место заросло травой и стало почти неприметным.

Необходимо было немедленно выяснить: каким образом попал сюда этот камень? Но как это выяснить? На нем ничего не написано. Что же делать? Как поступить? Что если попытаться поднять или хотя бы сдвинуть камень в сторону? Если под камнем ничего не будет, значит, попал он сюда естественно, а бинокль — случайно.

Не сговариваясь, товарищи подвинули свои палки под камень, и, поднатужившись, попытались приподнять его.

Едва сдвинувшись с места, он приоткрыл темную щель. Тогда Седых подвинул палку под камень еще глубже, то же самое сделал и Боярченко.

— Взяли! Р-раз! — Андрейка что есть силы нажал на конец палки.

Им удалось приподнять камень, оказавшийся толстой плитой. Еще шире открылась черная пасть подземелья.

— Поднимай! Сильнее! — кряхтел Федя, что есть мочи упираясь в землю ногами и поднимая конец палки, которая так выгнулась, что вот-вот могла сломаться. Андрейка, сопя, касаясь своим плечом плеча товарища, прижимал палку почти до земли: каменная плита подымалась всё выше и выше.

— Стоп!.. — выдохнул он всей грудью. — Подпирай, подпирай. Та-ак!..

Федя выполнил требование Андрейки и устало опустил руки. Плита была небольшой, около метра по диаметру; может быть, она бы и не была такой тяжелой, но вокруг успели прорости какие-то корни, они, видимо, и удерживали ее. Теперь бахрома белых корешков безжизненно свисала по краям плиты, которая стояла наклонно — ее прочно удерживала Федина палка.

Открылся неширокий, круглый, словно люк в самолете, ход куда-то под землю, под лесной безымянный пригорок, протянувшийся к самой реке.

Тяжело дыша, товарищи заглянули в подземный провал: глубоко ли? Но там было темно, и они ничего не увидели.

Седых вопросительно взглянул на покрасневшее потное лицо товарища: "Полезем?". Тот молча, взглядом ответил: "Да!".

Андрейка Седых хотел этого и не хотел. Он предпочитал отложить разведку подземелья до утра. Теперь уж как никак почти вечер, пройдет еще час, самое большее два — и в лесу станет совсем темно. "Утро же вечера мудренее", — как часто говорит дед Сила. И, действительно, кто знает, как долго придется разведывать внезапно открытый подземный ход. Если дело затянется, наступит ночь, как потом возвращаться домой? Ведь дано слово — прийти засветло. Лучше бы начать разведку завтра: Но Федя ни на что не обращал внимания. Скоро ночь?

Подумаешь! Что они не знают дороги в Веселый Подол? Завяжи Феде глаза, он всё равно дойдет. На все доводы Седых он отвечал:

— Мы только взглянем — и назад… Только взглянем, ну, хоть бы одним глазом.

Федя не мог представить себе, как он будет ожидать утра, ничего не зная о подземельи. Если бы впереди был день, тогда можно было бы чем-нибудь заняться, а ночью лежи и думай. Он ни за что не заснет и не успокоится. И, кроме того, кто знает, как всё обернется дома? Если домашние что-либо заметят, всё может случиться. Будут удерживать, расспрашивать, что да как. Если же он расскажет, что собирается в лес на разведку, будет еще хуже: его просто не пустят.

Федя торопил Андрейку, уговаривал, просил, и тот, наконец, сдался.

— Только посмотрим, — сказал Седых. Впрочем слова эти больше были сказаны для очистки собственной совести, чем для Феди Боярченко.

— Ладно. — Федя готов был на всё.

— Пройдем и сразу назад… А завтра вернемся и всё рассмотрим, как следует.

Только с таким условием Седых согласился немедленно спуститься в подземелье. Он считал, что открытие от них не уйдет и хотел тщательно подготовиться к осмотру подземного хода. Он намеревался взять с собой компас, хороший кусок веревки, на всякий случай лопату и главное — предупредить деда Силу. Пусть не волнуется. Андрейка очень жалел своего деда и не мог допустить, чтобы он из-за него беспокоился. Мать тоже должна знать, где он будет.

Так считал Седых, и, может быть, он бы так и поступил, хотя, конечно, и ему не терпелось скорее узнать, что собой представляет открывшийся подземный ход. Но когда Федя, не желая даже оглядеться как следует, заторопился, Андрейка осек его:

— Успеешь. Давай сначала осмотримся…

В этот момент в кустах, близко подступавших к пещере, что-то зашелестело. Товарищи подозрительно взглянули на зашатавшиеся ветви шиповника, на облетевшие несколько листочков, плавно опустившихся на влажную землю, но, ничего не обнаружив, успокоились. Ясно: это был ветер.

Здесь кто-то есть

— Надо подтянуться.

— Что подтягивать?

— Ранец у тебя раскрылся. Вывалится что-нибудь.

Федя досадливо отмахнулся, однако снял с плеча ранец и затянул его на все пряжки.

— Всё теперь?

— Так… А рубашка?

— Ох, и нудный же ты. — Вспылил Федя, но рубашку застегнул тоже на все до единой пуговицы. Он знал: с Андрейкой лучше не спорить, он свое докажет.

Седых осмотрел сначала себя, потом товарища. По выражению его добродушного, открытого лица видно было: он доволен.

— Теперь всё… Начнем.

В лесу становилось пасмурнее, а здесь, в пещере, закрытой густыми ветвями шиповника, и совсем потемнело. Но мальчики, несмотря на сгустившийся сумрак, всё видели довольно отчетливо: и каменную плиту, стоявшую над ходом в подземелье, и едва шевелящиеся темные ветви деревьев, со всех сторон обступивших поляну.

— Не спеши, — предупредил товарища Андрейка. — Ты держи палку, а я по ней спускаться буду.

— Есть держать.

Боярченко зацепил согнутый конец палки за край хода и изо всех сил придавил его к земле. Тогда Андрейка опустил ноги внутрь хода и начал осторожно сползать по спущенной туда палке. Федя еле удерживал ее.

Медленно и осторожно Седых скользил по палке всё ниже и ниже. Вот он под землей уже, а дна ямы еще нет. Ползти вниз или возвращаться? Эх, была не была — Андрейка распрямил ноги и сразу же ощутил под собой землю. Он достал из кармана фонарик, нажал на пластинку, динамик заработал, и лампочка вспыхнула слабым желтоватым светом.

— Можно мне? — спросил Федя.

— Давай… Только осторожнее, не толкни подпоры.

Федя спустился аккуратно, не задев ни подпоры, ни плиты.

Мальчики постояли несколько минут в нерешительности: что делать? Старались привыкнуть к необычной обстановке, к глухому сумраку, наполнявшему подземелье, к его прохладе и таинственной тишине.

Осветив фонарями подземелье, они увидели, что прямо от хода в разные стороны идут три галереи. Одна из них показалась выше и шире, по ней, очевидно, и можно бы пройтись для начала, посмотреть, что она собой представляет. Таинственность привлекала и вместе с тем настораживала. Мальчики молчали, не зная, на что решиться.

— Пошли, — сказал, наконец, Андрейка и первым шагнул по галерее.

Острые влажные камешки мешали идти. Мальчики скользили по ним, ежеминутно спотыкались, но вскоре привыкли и ступали более уверенно.

Андрейка шел, не оглядываясь, зато Федя время от времени посматривал назад: не далеко ли они ушли от входа? Во мраке подземелья вход некоторое время выделялся тусклым пятном, потом исчез. К этому времени они завернули в какую-то новую боковую галерею, и в ней стало совершенно темно.

Мальчики внимательно разглядывали стены и потолок галереи. Луч фонаря выхватывал из темноты то кусок известняка, то слой красной глины, то белые чахлые грибы, густо поросшие на влажных стенах, и еще какие-то тоненькие, вроде водорослей, неизвестные им растения. "Тут бы знания по ботанике пригодились", — невольно подумал Андрейка, и пожалел, что не хотел посещать кружок юннатов, учил только то, что задавала Мария Петровна на дом. "Зачем мне цветики-семицветики?". Теперь бы дополнительные знания очень пригодились.

Когда сворачивали в боковую галерею, Андрейка задержался: ему почудилось, что позади них, в глубине хода, что-то упало и послышался крик.

— Ты ничего не слышал? — спросил Седых.

— Нет. А ты?

— Мне, наверно, показалось.

Боярченко в самом деле ничего не слышал. Его интересовало только то, что он видел, ко всему остальному в настоящую минуту он был глухим.

Андрейка пошел дальше, но неясная тревога его уже не оставляла. Может быть, повернуть обратно? Так сразу? Нет, надо пройти дальше хотя бы метров сто, тогда можно и вернуться.

Им попадались какие-то ответвления от боковой галереи, они бегло осматривали их и шли дальше.

Вдруг Андрейка остановился.

— Гляди, спуск…

Луч фонаря осветил полого уходящую куда-то вглубь невысокую, в рост человека, галерею. Мальчикам почудилось: галерея эта ведет в самую середину земли — от такого предположения сделалось не по себе. Было так темно, как бывает в глубоком наглухо закрытом погребе, тянуло застоявшейся сыростью. С потолка, словно длинные тонкие руки неведомых существ, свисали, касаясь лица, скрученные упругие холодные корни.

— Глянь-ка, на стенах что-то горит, — шепотом сказал Боярченко.

— Ага…

— А что это? — дрогнувшим голосом спросил Федя.

— Сейчас проверим… Гаси фонарь.

Фонари погасли одновременно. Тогда, рождаемые мраком, один за другим появились десятки слабых огоньков. Они дрожали, лучи их, как золотые ресницы, были очень короткими, казалось, подуй на них — и они разлетятся, погаснут, исчезнут. И мальчики невольно, сами того не замечая, боялись глубоко вздохнуть, чтобы не спугнуть их.

— Это светляки, — сказал Андрейка и снова зажег фонарь.

— А может быть, жуки какие-нибудь, — шепнул Федя. — Да сколько их!

— Придумал — жуки… Говорю тебе, светляки это..

— Будто фосфор ночью. Правда?

— Точно. Как на часах, видел?

— Видел… У Виктора Михайловича такие часы.

В это время откуда-то из глубины галереи до слуха товарищей снова донесся приглушенный крик. Он повторился и замер. И еще раз через небольшой промежуток времени послышался тот же самый отчаянный крик. Кто-то звал на помощь.

— Назад! — крикнул Седых.

Они бежали по галерее, скользя и спотыкаясь на острых влажных камнях, направляясь к выходу. Один раз они попали, как им казалось, на главную галерею, но она вдруг оказалась тупиком. Они снова повернули,

но не прошли и десяти шагов, как галерея разветвилась еще на три рукава, идущие в разные стороны. По какому идти? Где выход из подземелья? Мальчики остановились, взволнованные и оробевшие.

И вдруг снова они услышали совершенно отчетливо чей-то голос. Кто-то был в подземелье и главное — совсем недалеко; возможно, в тридцати, во всяком случае, не дальше чем в сорока метрах от них.

Вася Козик в западне

Излишнее любопытство Васи Козика — вот что причинило большие неприятности и ему и другим.

Едва только Вася увидел Андрейку и Федю на поляне, как забыл, зачем его послал Седлецкий. Андрейка и Федя, случайно обнаружив за кустами шиповника укрытие, спрятались в нем. А Вася Козик оказался в невыгодном положении — он не хотел уходить и не хотел обнаруживать себя и… остался там, где застал его дождь — в ложбинке, за деревом.

Едва кончился дождь, как Вася выглянул из-за дерева, но никого не увидел. Седых и Боярченко исчезли. Козик подумал: "А вдруг они ушли куда-нибудь?". Но тут из укрытия вышел Федя, вырезал себе палку и снова скрылся за кустами шиповника.

Перебегая от одного дерева к другому, Вася приблизился к пригорку и весь превратился в слух. Седых и Боярченко спорили о ножах, чей лучше.

Козик, сдерживая дыхание, отвернул ветку и увидел: копают! Они что-то нашли! Так и есть! Они выкопали бинокль!

Козик замирал от тревожного предчувствия.

Ему бы надо пока не поздно сбегать к Игорю Седлецкому и рассказать обо всем. Но он не двинулся с места. У Васи появился интересный план. Может случиться, что потребуется его помощь. Тогда он явится перед Боярченко и Седых, поможет им и тотчас уйдет, не пожелав даже выслушать благодарности. Они, конечно, пожалеют, что не хотели с ним дружить. Еще как пожалеют! А он — пусть как ни просят — с ними продолжать разведку не будет. Он пойдет к Игорю и вместе с ним откроет всё, что произошло здесь десять лет тому назад. Он еще докажет, какой из него разведчик! Всем докажет и, прежде всего, задаваке Федьке Боярченко и Андрейке Седых тоже.

Так размышлял Вася Козик. В какой-то момент он чуть не выдал себя. Это случилось, когда Андрейка сказал, что надо как следует оглядеться.

Когда Козик приподнялся из-за кустов, Андрейки и Феди в укрытии уже не было. Лишь в полунаклонном положении стоял подпертый палкой плоский камень и лежал забытый, а может быть, нарочно оставленный бинокль.

Ветер колыхал верхушки деревьев и кустов — они тихо, однообразно шумели. Осыпалась на землю красноватая в последних лучах солнца роса. Что делать? Бежать к Седлецкому, или самому опуститься в подземелье? Победило любопытство.

Вася отложил бинокль в сторону, к стенке, там же положил и веревку и присыпал их землей. Потом торопливо нагнулся и заглянул в подземелье. Он слышал, как Андрейка сказал "здесь неглубоко", и поэтому, не раздумывая, чуть наклонив голову вперед, прыгнул. В ту же секунду камень упал и закрыл ход, а палка, которая подпирала камень, больно ударила по ноге. Хорошо, что плита не хлопнула по голове. Сперва Вася не понял, что произошло. А потом испугался. Он попытался приподнять каменную плиту, но она не шевельнулась.

Очутившись в кромешной тьме, Вася понял, что совершил непоправимую ошибку. Если Андрейка и Федя будут возвращаться, они не найдут выхода и еще, чего доброго, заблудятся. А если это случится, то плохо будет и ему. Вряд ли, чтобы их здесь скоро нашли. Никто не знает об этом подземельи. Может быть, придут на полянку Игорь Седлецкий с Колей и Тиной, будут искать и, ничего в темноте не обнаружив, уйдут… Скорее надо звать на помощь! И Вася Козик закричал изо всех сил:

— Сюда!.. Сюда!..

Но голос его заглох, как в погребе. Тогда Вася, цепляясь за стены, побрел по галерее на еле видимый в темноте огонек.

— Сюда!..

В горле от волнения сипело, его словно сдавливало что-то, и поэтому Козика не могли услышать.

Задыхаясь, чувствуя, что в груди становится горячо, он добрался до какого-то поворота и, нащупав его, пополз по новой галерее дальше…

— Сюда!.. Андрейка-а!.. Седых! Сюда!

"Не услышали", — горько подумал Козик. Надо возвращаться обратно. Он будет сидеть у входа, он будет ожидать Седых и Боярченко и будет звать их. Козик повернул обратно. Но взволнованный, растерявшийся, он прополз мимо главного входа, ведущего на поверхность, и оказался в новой боковой галерее.

Прошло десять, может быть, двадцать минут. Подземный мрак, какие-то влажные колючие корни касались лица. Вася Козик понял, что дальше двигаться не может. В последний раз крикнув "сюда-а!", он сел на землю и, всхлипнув, опустил голову.

Чей голос?

Они стояли, словно оцепенев. Федя отчетливо слышал, как под рубашкой лихорадочно колотится сердце и, словно иголочками, покалывает плечи.

Андрейка тоже волновался. То доставал из кармана фонарик, то снова опускал его, и фонарик стукался о деревянный черенок ножа. Андрейка терялся в догадках. Откуда в подземелье крики? Кто мог прийти сюда? Неужели чужой? Какие намерения у этого человека?

Между тем, в подземелье снова стало тихо, ни один звук, ни один шорох не нарушал наступившей тишины и, словно высокая непреодолимая стена, стояла темень.

Куда идти в таком мраке? Конечно, нужно пробираться к выходу. Но без света это невозможно. Тогда — будь что будет — Седых зажег фонарь. Свет выхватил из тьмы неровную глыбу земли, повисшую прямо над головой.

— За мной! — шепнул Седых. Боярченко двинулся за товарищем, стараясь не отставать.

Молча друг за другом они прошли больше ста метров. По их расчетам уже должен был показаться выход, но его не было.

Андрейка нажал сильнее на пластинку в фонарике, и луч стал светлее, но это ничего не изменило: никаких признаков выхода они не обнаружили.

В это время откуда-то из боковой галереи послышался всхлип, словно кто-то пил воду и вдруг захлебнулся.

— Тише! — шепнул Седых, хотя Боярченко не промолвил и слова: он тоже услышал этот странный звук.

Теперь подземелье молчало, ничего не было слышно. Всхлипывающий звук повторился.

— Кто это? — дохнул Федя у самого уха Андрейки.

— По-моему, никого нет, — сказал Андрейка, чтобы успокоить себя и товарища. — Нам показалось…

И здесь он заметил следы: какие-то ямки в мягком грунте. Вот они и здесь, и там. Видны отпечатки рук. Не трудно было разобраться в них. Андрейка присел на корточки, Федя опустился рядом.

— Человек полз, — сказал Седых невольно, сам того не замечая, прерывающимся голосом.

Странно, очень странно: куда и откуда полз этот неизвестный? Федя смотрел только на следы и ничего не говорил. Как он жалел в эти минуты, что не послушался Андрейки; было бы гораздо лучше отложить поход в это злосчастное подземелье до утра.

— Сам виноват, — шептал Федя. — Дурак я и больше никто.

Как ни был взволнован Андрейка, он не мог не подивиться товарищу. Всегда самоуверенный, Боярченко вдруг ругает себя. Это очень не понравилось Андрейке, и он сказал:

— Нечего Лазаря петь… Вместе пришли — вместе и выбираться будем.

— Запоешь… выход-то затерялся…

— Найдем… не дрейфь только…

В ту минуту, когда Андрейка сказал "не дрейфь", в боковой галерее снова послышался всхлип. Федя вздрогнул и невольно прижался к товарищу.

— Слышишь?..

Андрейка тотчас погасил фонарь. И тогда в кромешной тьме кто-то тяжело застонал, словно от непереносимой боли.

Бежать! Куда-нибудь, но только бежать. И Боярченко быстро вскочил, схватил Седых за руку:

— Бежим! Скорее!..

— Куда? — тихо и, как показалось Феде, насмешливо спросил Андрейка.

А из тьмы, из боковой галереи, всё явственнее слышалось, как кто-то ползет и стонет. Шуршала земля, постукивали камни. Всё ближе и ближе…

— Кто здесь? — тихо, но внятно спросил Андрейка.

Стон вдруг прекратился, всё затихло. Это продолжалось одну, может быть, две минуты. Потом из темноты возник захлебывающийся от радости или от слез голос:

— Я!..

Это был голос Васи Козика.

"Оставить или взять с собой?"

Рассказ Васи Козика был путаным, и понять его оказалось нелегко. Выходило так: Козика послали за хворостом для костра, а он попал в пещеру. Не хотел, а попал. Товарищей больше всего, конечно, интересовало, каким образом он оказался в пещере.

— Что дальше? — торопил его Седых. Время от времени он освещал бледное, замазанное глиной лицо Козика.

— Я думал всё будет хорошо… И, честное слово, хотел вернуться обратно.

— А попал в пещеру, — едко заметил Федя. Вася в ответ только вздохнул.

— Говори, — напомнил Седых.

— А можно, я не буду говорить?

— Нет, всё выкладывай.

— Посмотрел я, вас нет, а яма открыта. Я и влез…

Чтобы не смотреть на Андрейку, Вася низко опустил голову.

— Ну, влез… А дальше что?

— Я больше не буду. Чтоб я умер, не буду.

— Очень нужно, — хмыкнул Федя. — Подумаешь, жертва.

В эту минуту Боярченко так глубоко презирал Козика, что не мог даже смотреть на него. Козик для него был противным трусишкой, из-за его трусости, глупого любопытства они оказались запертыми, как в мышеловке. Феде всё не нравилось в Козике: и длинный нос с блестящей каплей под ним, и широко поставленные испуганные глаза, и острый худой подбородок, и выпирающий на шее кадычок.

Андрейке тоже хотелось взять Козика за воротник и встряхнуть: пусть не тянет, пусть живее рассказывает. Но Козик может вообще ничего не сказать, и Андрейка сдерживался.

— Что было дальше? — спросил он строго.

— Плита… завалилась. — Вася Козик, не поднимая головы, виновато вздохнул. Стало заметно, как на шее у него и около ушей заблестел пот. — Рукой толкнул… Теперь… бейте.

Пораженные товарищи молчали. Не понимая, почему его не трогают, Козик повторил:

— Бейте!

— Иди ты к черту, — не на шутку рассердился Андрейка и отвернулся. Что теперь делать? Он снова обратился к Козику:

— Ты долго шел?

— Н-не знаю. — Вася втянул голову в плечи и затих. Запинаясь, добавил: — Я вас звал, а вы не отвечали. Чтоб я умер, звал.

— Значит, ты не помнишь, где вход? — спросил Андрейка хрипло.

— Я заблудился.

— Вытрись, — приказал Андрейка, — и не хнычь.

И совершенно неожиданно добавил: — Мы все заблудились.

Заблудились! Потеряли ориентировку в этом мрачном подземелье. Что могло быть хуже? Главное — никто, ни один человек на земле не знает, где они находятся.

— А может быть, нас найдут, — вдруг тихо сказал Козик.

— Найдут… Жди. В Сахновщине три года ищи — и всё напрасно. — Боярченко даже не взглянул на Козика.

— Я сказал Седлецкому, что к озеру пойду.

— Сказал? — переспросил Седых и махнул рукой. — Что из этого? Не найти ему.

Луч фонаря осветил дрожащий подбородок Васи Козика… Положение, действительно, было трудным, но товарищи крепились. Федя хмуро смотрел под ноги. Андрейка время от времени освещал фонариком темные выпуклости стен.

— Ты вот что, не прислоняйся, — сказал вдруг Седых Козику. — Мокро тут.

Федя и Андрейка сидели на корточках рядом, Козик — в двух шагах от них. Во тьме слабо мерцал огонек фонарика. Под тяжелыми сводами раздался гул. Где-то недалеко обрушилась земля. Мальчики насторожились, прислушиваясь. Гул постепенно стих.

— Что же мы будем сидеть, — после томительной паузы сказал Андрейка. — Нужно что-то делать… Давайте начнем поиски… Сначала пойдем по правой галерее. Будем делать метки… Пошли.

Андрейка сразу же встал, поднялся и Федя, только Вася Козик не тронулся с места.

— Почему сидишь?

— У меня нога… подвернулась.

— И ты молчал?

Тот безнадежно кивнул головой. Новое дело. Вот, оказывается, почему он полз: идти не мог… Но что с ним теперь делать?

— Оставим его здесь, потом вернемся, — сказал Федя Боярченко. — Мешать нам будет.

— Оставим? — переспросил Седых.

— А что ж… Вход завалил, всё дело, лопух такой, испортил. Пусть теперь посидит, подумает. — Боярченко говорил зло, не глядя на Козика, не видя, как тот молча, испуганно таращит на него глаза, не смея ни просить, ни возражать.

Андрейка молчал. Потом повернулся к Козику.

— Так… А ты себя как чувствуешь? Сумеешь идти?

— Попробую. — Держась обеими руками за стену, Вася, почти не дыша, встал на правую ногу. Он похож был на журавля, стоявшего на одной ноге — с маленькой головкой и вытянутой вперед шеей.

Андрейка подошел к нему ближе и подставил плечо.

— Обопрись… Можешь теперь идти?

— Могу. — Козик шагнул один раз, потом еще.

— Поехали. — Седых охватил правой рукой плечи Козика. — Федь, свети!

Боярченко насмешливо хмыкнул, однако, не возражая, с фонарем в руках пошел вперед.

Они медленно двинулись вперед по неширокой, полузасыпанной галерее.

"Не знал я тебя"

Прошел час, может быть, больше, а они всё еще по милости Козика находились в западне. За это время они несколько раз, как им казалось, были у цели. Но, к сожалению, это только казалось. На самом деле выход исчез, его словно и не существовало. Надежда сменялась отчаянием, отчаяние уступало место надежде.

Боясь забиться слишком далеко, договорились исследовать по очереди каждую галерею. Для этого они проходили метров сто в одном направлении, потом возвращались и переходили в другую галерею.

Двигались медленно, осторожно.

Федя шел впереди. Он держал фонарик высоко над головой, чтобы свет падал на потолок и стены. Федя сразу узнал бы плиту из белого известняка, прикрывшую ход.

Андрейка и Вася шли следом. И вот в одном месте — галерея здесь уходила круто влево — Федя, случайно взглянув под ноги, глухо вскрикнул и попятился назад. Прямо под ним зияла глубокая с неровными краями расщелина. Сделай Федя еще один шаг — и он попал бы в темный провал подземного колодца. Не на шутку испуганный, он не мог вымолвить ни слова. Андрейка взял фонарь у Феди и осветил расщелину.

Мальчикам она показалась бездонной. Почти не дыша, подталкивая друг друга, они повернули обратно.

Вася Козик от всего пережитого, от ноющей, ни на минуту не утихающей боли в левой ноге так устал, что еле двигался. Надев на плечо ранец, Андрейка почти тащил Козика на себе.

Федя Боярченко шагал впереди. Тень от его приподнятых угловатых плечей, от большой взлохмаченной головы ползла вслед за ним по неровным мрачным стенам галереи, по низко свисавшим неправильной формы глыбам беловатой глины.

Где-то на поверхности земли была настоящая жизнь, там был чистый лесной воздух, над верхушками деревьев синело звездное небо, а здесь, в глухом подземельи, царил непроницаемый мрак, и если бы они забыли захватить с собой карманные фонари, мрак этот был бы еще страшнее…

Одну галерею они уже проверили — в ней оказался колодец, и они вернулись. Теперь они двигались по параллельной галерее.

Наученный собственным опытом, Боярченко поминутно останавливался, обшаривал лучом фонаря стены, потолок, пол. В двух шагах от него двигались Козик и Седых. В руке Козика была палка, на которую он опирался. Крепко сжав зубы, чтобы не стонать, он еле тащился. Под ушибленную ногу попал камень. Вася тяжело, прерывисто дышал. Услышав позади шум, Боярченко тоже остановился.

Обернувшись, осветил лицо Козика — по его лбу катились крупные капли пота.

— Устал? — спросил Андрейка.

— Нет, — отрицательно мотнул головой Вася. — Просто так… Постою.

— Тоже мне герой, — презрительно процедил Боярченко; он не выносил испуганных зеленовато-желтых глаз Козика. — Из-за тебя всё.

— Перестань, — тихо сказал Андрейка.

— А я не перестану. Не хочу… Если бы не его дурацкое любопытство, мы бы здесь не сидели. А теперь, как в мышеловке.

— Перестань. — Седых опустился на колени и сел.

— Сядь, — сказал он Козику. — Отдохнем.

— Чего ты мне рот закрываешь, — запальчиво крикнул Боярченко. — Вот только выберемся, я ему всё вспомню.

— Сначала выберись, — заметил Андрейка. — А потом поглядим.

— А я не буду ожидать. Я ему здесь накостыляю.

Голос Боярченко потерялся где-то сразу же в боковой галерее.

— Перестань кричать, надоел, — сказал Седых, снимая с плеча ранец. — Лучше бы помог мне.

— Я? — негодующе переспросил Федя. — Чтобы я тащил Козика? Ты смеешься!

— Ладно, не требуется, — сказал Седых. — Вот только перекусим, а потом… пойдем дальше.

С этими словами Андрейка расстегнул ранец, извлек из него один за другим два пакета в газете, потом еще один и все это разложил на развернутой чистой ученической тетради.

— У меня здесь хлеб, колбаса, мясо, — сказал Седых. — А у тебя что? — обратился он к Васе.

— У меня? Соль есть.

— Соль? Очень хорошо.

Козик вытащил из кармана спичечную коробку, в которой была соль.

— Я как раз забыл про соль… А ты будешь? — обратился Седых к Феде Боярченко.

Тот недоуменно пожал плечом и не ответил. Андрейка пристально взглянул в лицо Феде.

— Не знал я тебя. А ты вон… какой.

— Какой? — с вызовом обернулся Боярченко.

— Собственник. Вот ты кто!

— Я? — Боярченко быстро заморгал ресницами. — Ну, и пусть… А помогать всё равно не буду.

— Обойдемся.

Андрейка придвинул к себе свертки и развернул их. На бумаге лежал хлеб, полкольца колбасы, несколько ломтиков сыра и два куска вареного мяса.

— Половину съедим, а половину оставим, — сказал Седых. — Ладно?

Вася сидел, прислонившись к стене. Что ему сказать? У него-то совсем ничего нет. Всё он оставил в отряде, только соль у него и есть — боялся, что рассыплет в ранце, и положил в карман.

— Н-не хочу я, — отрицательно покачал он головой.

— Будет тебе. Бери!

Козик не ел почти с самого утра: к обеду не поспел и не полудничал. Конечно, ему уже хотелось есть, но он считал себя очень виновным и не решался брать Андрейкин хлеб и колбасу… Но тот настаивал.

— Не будешь ты, — не буду и я, — пригрозил Андрейка. — Ослабеем и не сможем идти.

Угроза подействовала: Козик взял ломтик сыра и зачем-то посолил его.

— Не соли… Пить захочешь, — предупредил Седых.

— Я забыл, — застеснялся Козик и уже смелее приступил к еде.

Боярченко по-прежнему сидел под стеной, хмурился, краснел, смотрел в сторону и что-то жевал. Он, конечно, не хотел ссориться с Андрейкой Седых, но, если рассудить по-честному, то почему он должен

тащить на себе этого Козика? Его бы надо хорошенько избить и оставить в галерее одного: умел завалить ход, пусть теперь сам выбирается и почувствует, как это приятно.

Седых половину припасов вместе с солью, отданной ему Козиком, тщательно завернул в бумагу и положил в ранец. Потом встал, помог подняться Козику. На этот раз он не просил Боярченко идти впереди, он сам освещал дорогу.

Козик всё так же одной рукой опирался на плечо Седых, а другой на палку. Он твердо думал, что теперь никогда — сколько будет жить — не забудет Андрейку Седых…

— Ты знаешь, Андрейка, что я скажу, — зашептал вдруг Вася.

— Что?

— Помнишь, тебя толкнули с школьного крыльца?

— Помню.

— Это я… толкнул. Понимаешь, нечаянно как-то. Я знаю, ты ушибся, а я побоялся признаться. Плохо я сделал, правда?

— Подумаешь, что вспомнил, — заметил Андрейка и скосил взгляд на Козика: его нос напомнил ему клюв петуха — узкий, заостренный. По лицу Васи катились капли пота.

— Ты вот что… крепче опирайся, — сказал Андрейка.

— Тебе же трудно.

— Ничего, я выдержу.

Галерея постепенно становилась уже, идти рядом, как раньше, было нельзя, и Андрейка теперь продвигался боком. В одном месте, где ход был наполовину засыпан, они пробрались ползком. Но вдруг ход расширился, потолок побежал вверх, а еще через десять метров галерея превратилась в какой-то круглый подземный зал.

Отсюда выхода не было — зал оказался новым тупиком. Боярченко сделал шаг назад, но Андрейка, как видно, уходить не спешил, не двигался с места и Вася, поэтому задержался и Федя Боярченко.

Что было написано на камне

Подземный зал представлял собой расширенную пещеру метров десять в длину и столько же в ширину. Высокие стены создавали нечто вроде шатра, по неровному потолку стекали капли воды, в слабом свете фонаря, водяные струи казались прожилками серебра. Выступ на стене, сразу же у входа, был похож на большую голову какого-то зверя с тупой мордой и могучей шеей.

В углу около самой стены была вырыта неширокая, воронкообразная яма. Присветив фонариками, ребята увидели на дне ямы потемневшую, изъеденную ржавчиной ременную пряжку и черный козырек фуражки. Откуда здесь эти странные предметы?

Ломая голову над новой загадкой, они отошли от ямы и принялись пристально осматривать подземный зал.

И вот в одном месте на стене пещеры заметили белую длинную полосу. При более близком осмотре оказалось, что это обыкновенный камень-известняк, испещренный какими-то письменами. Конечно, мальчикам захотелось узнать, что там написано, но Вася Козик еле стоял на ногах, и пришлось уступить его просьбе: устроить его где-нибудь отдохнуть.

Вася сел посреди зала, вытянул ушибленную ногу и, потирая ее обеими руками, несмотря на боль в ноге, с явным любопытством оглядывался на Андрейку, который с фонариком в руках всматривался в надписи на камне.

Федя стоял рядом с Андрейкой. Он был явно озадачен тем равнодушием, с которым держался и говорил с ним теперь Седых. Он понимал, что ошибся. Может быть, нельзя было так отвечать на предложение Андрейки, но, с другой стороны, почему он должен заботиться о Козике? Только по его вине они оказались в западне. Лишь бы только выбраться отсюда, уж он ему ничего не забудет. Не обрадуется, что увязался за ними, больше никогда не посмеет ходить за кем-нибудь следом. Но Козик — это Козик, с ним разговор короткий. Совсем другое дело — Андрейка Седых, с Андрейкой Федя дружит давно и ссора с ним ни к чему.

— Андрей, — позвал Федя. — Ты сердишься?..

— Откуда взял, — ответил Андрейка, не глядя на Федора. Он весь погрузился в изучение надписи на камне. Подземные воды и обвалы смыли и стерли некоторые буквы.

— Ты сам по себе, мы — тоже.

— Как это — сам по себе? — Федя не понял. — Ты же мне друг… А Козик кто?

— Козик? — Андрейка подумал и сказал, — А мы кто по-твоему?..

— Как это — "мы кто?".

— Не понимаешь? Мы пионеры. Как Павлик Морозов… А будем и комсомольцами. Как Олег Кошевой будем… Теперь скажи, имеем мы право бросить товарища?.. Скажи! — уж совсем зло закончил Андрейка.

Федя опустил голову, переступил с ноги на ногу. Ранец болтался на ремне за плечами, верхняя пуговица у рубашки расстегнулась, галстук съехал набок. Его нос и губы стали будто бы толще. "Что теперь делать, — думал Федя, — как вернуть расположение Андрея? А всё из-за Козика". Он подошел к Васе и, глядя, как тот жалостливо смотрит ему в лицо, словно нечаянно, толкнул его.

— Подвинься, лопух…

Козик подвинулся, не говоря ни слова. Федя занял его место, словно оно было лучшим во всем подземельи.

— Расселся… здесь.

Вася снова промолчал, только ноздри его тонкого носа вздрогнули и в болезненную гримасу изогнулись губы.

В это время возле стены, где стоял Андрейка, послышался радостный возглас:

— Ребята, сюда!..

Вася Козик поднялся и, опираясь на палку, несмотря на боль в ноге, поковылял к Андрейке. Подошел и Федя.

Седых в слабом свете фонаря казался выше, чем был на самом деле, его тень колебалась на потолке пещеры.

Козик вопросительно взглянул на Андрейку и перевел глаза на стену — на освещенную светом фонаря белую полосу.

— Что здесь?

— Читай!..

Козик чуть приподнялся на носке правой ноги и, вытягивая шею, прочел: "Тов…щи! Ищ… те в дв… шагах от входа… Прощ….те". Он читал так, как было написано — отдельные слоги, буквы. По мере чтения, голос его становился громче. Наконец, он окончил и, не умея сдержать себя, закричал:

— Андрейка, это ж!.. Ты знаешь, что это?

— Знаю, — ответил Андрейка. — Нужно читать так: "Товарищи!.. Ищите в двух шагах от входа… Прощайте!"

— Правильно! И я так думал… Чего же мы стоим? — заторопился Козик. — В двух шагах…

Всегда сдержанный, Андрейка был взволнован не меньше Козика. А Федя? Забыв, что он только что говорил о Козике, стоял здесь же у стены и терпеливо ожидал, что скажет Седых, что прикажет делать. Он еще надеялся, что Андрейка не обойдет его.

Андрейка, между тем, достал из кармана нож и, отдав Козику карманный фонарь, сказал:

— Свети да посильней!

Тот стал на колени, обеими руками сжал фонарик — и свет в пещере вспыхнул ярче. Седых отмерил два шага от входа в левую сторону и, озабоченно хмурясь, сказал Боярченко:

— Ты… здесь копай!

Сам Андрейка начал копать на таком же расстоянии справа.

В эту минуту мальчики забыли, в каком опасном положении находятся они сами: их неудержимо влекла тайна подземной пещеры. Стараясь как можно скорее разрешить ее, Андрейка и Федя напрягали все силы, работали не разгибаясь. Вот когда им пригодились навыки и умение, приобретенные на пришкольном участке и в домашней работе. Мальчики почти не чувствовали усталости. Земля комьями вылетала из-под рук в разные стороны; они не замечали, что землей обсыпаны колени Козика, комки глины были на его голове и подбородке. Тоненький лучик света прыгал то в один угол ямки, то в другой.

Прошло минут двадцать, может быть, полчаса напряженного труда, но ни Андрейка, ни Федя пока ничего не находили, хотя яма была вырыта почти на полметра. И вдруг Андрейка глухо вскрикнул:

— Есть!

Федя и Козик бросились к нему и чуть не столкнулись лбами.

— Где?

Седых отбросил нож в сторону, разгреб землю руками и вытащил металлический котелок. Он тщательно обтер его от налипшей земли и осветил фонарем, и все увидели: котелок немецкий, с немецкими буквами на крышке — их кто-то нацарапал ножом, плотно закрытый, кое-где поеденный ржавчиной, но в целом хорошо сохранившийся. Он оказался довольно тяжелым, в нем что-то глухо позвякивало.

Андрейка поддел ножом крышку, но она не подалась. Тогда Андрейка несколько раз постучал по краям крышки черенком ножа, и она, наконец, снялась. В котелке оказался блокнот, завернутый в желтый плотный лист бумаги, и пистолет "ТТ" с одной кассетой, но без патронов.

Дневник

Жизнь человека — это дорога, иногда прямая, чаще извилистая, но почти всегда нелегкая. Идя по этой дороге, постоянно стремишься к познанию нового, неизвестного.

Если человек закален в борьбе, если сильна его воля, он не страшится усталости, твердо идет к намеченной цели.

Но случается и такое: путнику осталось совсем немного, еще переход, может быть, два — и он постучится в заветную дверь, ему откроют, обогреют. И вот тогда у человека, покрытого пылью многих дорог, перед самым порогом появляется чувство тревоги: а что встретит его?

И как ни бесстрашен путник — он остановится, задумается, присядет у придорожного столба, не в силах успокоить взволнованное сердце.

Может быть, это же самое происходило с Андрейкой Седых. Конечно, он мало еще видел в своей жизни, его путь только начинался. Но мальчик помнил день, когда принесли повестку из военкомата о гибели отца; он видел — они стояли сейчас перед мысленным его взором — большие печальные глаза матери, видел горькие редкие слезы деда Силы.

В первые дни после войны, в долгой дороге на Украину, он встречал многих своих сверстников, таких же сирот, как он сам, помнил, как смотрели они на тех, у кого был хлеб. Андрейка жестоко страдал, видя как другой, такой же, как он мальчуган в выходной день уходил со своим отцом на охоту. Он страстно надеялся на возвращение отца и часто подолгу смотрел на его фотографию. "Без вести пропавший" — это же не убит, рассуждал Андрейка, значит, он жив, а раз так — он вернется, должен вернуться…

Когда Андрейка услышал в Доме культуры рассказ о затерянных следах группы партизан, спасших весь отряд от разгрома карателей, он задумался и решил потратить месяц, год, может быть, еще больше, но всё равно найти следы прошлых боев. А вдруг заветная тропка приведет его к отцу!..

И Андрейка Седых шел по темным, полуобвалившимся подземным галереям, тащил на себе Васю Козика и думал, всё думал... Но Андрейка еще никогда в жизни не волновался так, как в ту минуту, когда должен был открыть небольшой, форматом в половину тетради, блокнот. Что в нем написано? Чей это блокнот? Еще неясная тревога всё больше и больше овладевала им, и он не решался так сразу перевернуть обложку блокнота. Мелко, будто от озноба, дрожали руки, и гулко стучало сердце.

Волновались и товарищи, но их волнение было совсем иным — они стремились поскорее узнать, какую тайну хранит находка, и только.

— Открывай же! — шепнул самому себе Андрейка. Товарищи переглянулись. Что он говорит? Кому?

Седых медленно, осторожно раздирая слипшиеся по уголкам страницы, раскрыл блокнот.

Первый лист оказался совсем чистым. А второй?.. На втором была приклеена кусочками хлеба маленькая, не больше спичечной коробки, фотография. От времени она выцвела, пожелтела, но, присмотревшись, мальчики разглядели на ней высокий открытый лоб, твердые, чуть улыбающиеся губы и густые волосы, они, как крылья, стояли надо лбом.

Андрейка вырвал из рук Васи фонарь и, низко склонившись, осветил фотографию. Мгновение он всматривался в лицо незнакомца, потом глухо простонал и уронил фонарь. Это был его отец! Такая же

фотография, только увеличенная, уже столько лет лежит дома в семейном альбоме.

— Отец, — прошептал он. — Это мой отец…

В горле стало горячо, перехватило дыхание. Казалось, не хватает воздуха, но Андрейка пересилил себя и, подняв фонарь, перевернул еще один листок. На нем крупным косым почерком химическим карандашом было написано: "Если этот блокнот попадет в руки людей, убедительно прошу передать его моей жене Антонине Ивановне Седых или сыну Андрею, по адресу…". Ниже стоял адрес, четкая подпись: "Антон Седых" и дата — "30 июня 1942 года"…

— Сегодня как раз 30 июня, — тихо сказал Вася Козик.

— Десять лет прошло, — добавил Боярченко.

Андрейка перевернул страничку. И каждый по очереди прочел на ней: "30 июня 1942 г. 6 часов вечера…". На новой странице — новая запись: "8 часов вечера. 30 июня…". И ниже крупным косым почерком в несколько строчек — короткая запись.

— Читай, — попросил Федя.

Андрейка ничего не ответил. Он сидел, опустив голову, Козик и Боярченко с двух сторон придвинулись к нему и молча, терпеливо ожидали. Спустя несколько минут Андрейка прочел первую страницу, потом еще одну…

Вот что было записано в блокноте Антона Седых.

"9 часов вечера. 30 июня. Мы уходим от карателей. Идем на переправу. Командир отряда Соколовский остановил нас четырех и сказал: "Мы прижаты к Десне. Единственный выход — уйти за речку.

Отряд попытается переправиться, а вы останетесь в прикрытии. Берите пулемет, гранаты, патроны. Стоять до последнего. Я надеюсь, что приказ будет выполнен…". Командир пожал нам всем на прощанье руки и обнял, словно прощался навеки.

Мы остались в заслоне. Нас было четверо: Михаил Пивень, Семен Селезнев, Дмитрий Береговой и я…".

— Береговой! — воскликнул Вася. — Это наш Береговой! С Подола!

— Брат его в нашей школе учится, — добавил Боярченко.

Андрейка, глубоко вздохнув, продолжал:

"10 часов вечера, 30 июня. Мы сделали так, как приказал Соколовский. Хотя в лесу уже темно, но мы видели, как нас обходят. За деревьями мелькали сгорбленные темные фигуры карателей. Мы ожидали. Тем временем весь отряд спустился к реке и начал переправу. Всё делалось по возможности бесшумно и быстро. Рубились деревья, связывались плоты. Нас уже начали обстреливать, но огнем пулемета и трех автоматов мы заставили полицейских и карателей отойти. Никто из них не пробрался к переправе. Береговой, местный житель, хорошо знает лес, он посоветовал рассредоточиться. Мы с ним заняли место под пригорком, а Селезнев и Пивень — в стороне, метров за сто…

11 часов вечера. Стрельба то затихает, то начинается снова. В редкие промежутки между стрельбой я пишу. К нам приполз раненный в грудь, истекающий кровью Селезнев. Он сказал, что Пивень ранил его и уполз к немцам. Мы остались теперь втроем. У нас два автомата и пулемет, три гранаты и две мины, по два сухаря на брата и три коробки консервов.

Уже совсем темно. Из-за реки взлетела зеленая ракета. Это сигнал: переправа подходит к концу, нам разрешено отходить. Но куда мы

отойдем? Мы окружены и к тому же ранены. Береговой — в живот, я — в левую ногу, Селезнев — в грудь…".

Андрейка читал тихим, прерывающимся от волнения голосом, а его товарищи сидели, не шевелясь. Когда он прочел о ранении партизан, Вася вдруг глубоко втянул воздух и ткнулся лицом в колени. Андрейка умолк, подождал и, не глядя на Васю, таким же, как минуту назад, сдавленным шепотом продолжал:

"Около 12 часов ночи мы услышали голос Пивня: "Хлопцы, сдавайтесь. Всё равно — конец!". Я ответил ему очередью из автомата. Тогда он крикнул: "Пожалеете!". Я снова ответил очередью. Несколько немцев и полицейских упали под пригорком. Наступило минутное затишье. Я, как умел, перевязал раненых товарищей. Для этого мне пришлось разорвать рубашку. Береговой сказал, что лучше уползти в пещеру — он знает, где она. Может быть, мы укроемся. Я так и сделал. Перетащил товарищей в укрытие и почти в полной темноте дописал страницу…

12 часов ночи. Пишу после всего, что случилось, при свете спичек… Береговой умер; он просил отомстить Пивню. Селезнев скончался на моих руках. Умирая, приказал положить его возле оставшихся мин, чтобы враги, если подойдут ближе, взорвались. Я положил Селезнева рядом с Береговым и оставил там одну мину, другую потащил с собой. А тем временем в пещеру забрались немцы, с ними был и Пивень.

Немцы продвигались по нашим следам, а я пополз в боковую галерею направо, добрался до перекрестка.

Где-то сзади я слышал приглушенный немецкий говор. Потом кто-то крикнул: "Рус, сдавайся". Я остановился и выпустил последнюю очередь из автомата. Послышался крик: "Сдавайся, Седых!" Это снова Пивень. Я хотел ответить и обернулся, и здесь удар в грудь опрокинул меня навзничь. Я с трудом поднялся на колени: так и есть — я ранен в плечо.

Это был выстрел Пивня. Нет, живьем я не сдамся. Прошло еще несколько минут — голоса Пивня я уже не слышу, в моей пещере остались только немцы. Они освещали стены, и я издали видел, как они ползли. Всё ближе и ближе. Вот кто-то потянул к себе Берегового, в ту же секунду раздался взрыв, и всё стихло.

Потом я снова услышал далекий, едва различимый голос Пивня: "Подземелье завалить... чтобы никто и следа не нашел..." Ясно, мне теперь отсюда не выбраться.

1 июля. На моих часах 6 утра. Я добрался до подземного зала. Здесь сыро, но воды нет. Рана в левом плече не очень большая, но я лишился крови и ослабел. Съел один сухарь и немного консервов. Хочется пить.

2 июля. Лежу всё там же. Мне становится хуже и хуже. Я делаю два-три движения и затем подолгу отдыхаю... Съел еще два сухаря и остаток консервов. Очень хочется пить... Мне сейчас кажется, что Пивень давно стал предателем, еще тогда, когда отпустил захваченного в бою в Корюковке гестаповца... Ему поверили, а он оказался гадом. Неужели он останется жить? Очень жаль, если так будет. Сколько вреда людям принесет эта змея. Предатель — хуже бешеного пса.

3 июля. Я слабею всё больше и больше. Пройдет час, и я не сумею пошевелиться. Стоит ли тянуть время, когда отсюда я уже не выйду? У меня осталась одна мина. Она теперь пригодится...

Положу в котелок блокнот и пистолет и прикопаю — как раз здесь есть небольшое углубление. На стене напишу, где нужно искать. Вот только трудно писать, но я попробую камнем — здесь их много. Думаю, будет лучше сразу отдать концы. Прощайте! Пусть мой сын никогда не переживает того, что пережил его отец. Я очень хочу этого...".

Андрейка дочитал последние строки, написанные крупным почерком, видимо, уже в полной темноте, и, не закрывая блокнота, отвернулся к стене.

Козик судорожно шмыгал носом, Боярченко коротко вздыхал. Стояла глухая напряженная тишина. Тяжело нависал, словно давил тысячепудовой тяжестью, потолок подземелья.

Андрейка встал, подошел к вырытой яме, на дне которой лежали козырек и пряжка, и там, в темноте, долго стоял один. Ни шороха, ни шума — мертвая тишина. Андрейка повернулся, погасил фонарь, сел рядом с Васей.

В молчании прошло еще несколько минут, и вдруг Козику почудилось, что кто-то всхлипывает. Кто же это? Неужели Андрейка? Вася насторожился, но тот, кто всхлипывал, сразу затих.

— Ты… Андрейка? — спросил Козик шепотом и сам испугался своего голоса.

— Чего тебе? — хрипло отозвался Андрейка, и вздохи затихли.

— Да я… так.

— Ну, и сиди… Скоро уже пойдем.

Вася сидел, думал и невольно удивлялся: жил он и не знал, даже не подозревал, какой это правильный человек Андрейка Седых…

У озера Крапивного

Седлецкий с нетерпением ожидал возвращения Васи Козика. Дважды выходил на дорожку, которая вела к озеру, посылал смотреть Тину, но Козик пока не появлялся.

Седлецкий начинал жалеть, что разрешил Козику одному пойти к озеру. Надо было послать с ним и Петю Волошко или самому пойти.

Перед заходом солнца лес, травы и кусты озарились мягким малиновым светом. Под едва приметным дуновением ветра с ветвей капля по капле бесшумно осыпалась красноватая ртуть. Где-то в далеком лесном закуте куковала кукушка.

Веселые, неунывающие Петя и Тина развели костер. Игорь вырезал треногу и повесил на нее котелок, наполненный крупой и чистой криничной водой. Тина взялась за ложку, чтобы снимать накипь.

Игорь лежал рядом с Петей Волошко и задумчиво следил, как потрескивали сухие ветви. Потом встал, прошел по дорожке, вернулся и, пока ходил, всё время нетерпеливо подергивал кончик покрасневшего уха.

— И куда он, непутевый, делся! — сказала Тина. Она очень хорошо понимала Игоря.

— Куда ему деваться, вернется, — сказал Волошко. — Не сегодня, так завтра.

— Умный ты, Петя, — сказала Тина и укоризненно покачала головой, кивнула в сторону Игоря. Игорь по-прежнему не отводил глаз от дорожки и, видимо, не слышал, о чем говорили Тина и Петя.

Петя чуть слышно кашлянул, обернувшись, достал из-за спины большую еловую ветку и положил ее в костер. Дым повалил клубами, с треском во все стороны разлетались искры, сквозь дым прорывалось

пламя; языки пламени, длинные, тонкие, похожие на гадючьи, вздымались то ввысь, то ползли по траве.

— Петя, — позвал Игорь. — Сбегай к озеру… Неужели его там нет.

— Я мигом. — Петя встал, захватил с собой палку и убежал.

Тина и Игорь остались у костра. При каждом шорохе они настороженно оборачивались, по их лицам скользили красные отсветы пламени.

Петя вернулся довольно быстро. Игорь увидел его издали и поднялся навстречу.

— Ты его видел?

— Всё облазил вокруг озера… Никаких следов.

Игорь секунду смотрел на Волошко. Тот переминался с ноги на ногу, потом, как-то неуверенно кашлянув, сказал;

— Честное слово, не видел.

Игорь вдруг заторопился. Теперь каждая минута дорога.

— Побежали… Костер тушить! Быстро!

Костер потушили в одну минуту, на его месте остались только почерневшие ветви. Захватили с собой котелок с недоваренной кашей, всё свое походное имущество.

Известие, которое принес Петя, было неожиданным. Игорь не верил, что Васи Козика нет ни на озере, ни на поляне возле озера. Но

оказалось, что его нет. До того, как послать Петю, он только предчувствовал неладное, теперь он понял это. Куда исчез Козик? Дальше озера он не мог уйти. Может быть, выкупаться надумал?

Озеро одной стороной примыкало к большому лесному пригорку, а другой — к небольшой, круглой, как пятак, полянке. Под пригорком густо поросли кусты шиповника.

— Давайте сначала осмотрим поляну, — предложил Игорь. — Я пойду налево, вы — направо.

Не обминули ни одной лесной ямы около поляны, не пропустили ни одного дупла в дереве. Смотрели тщательно, придирчиво, как настоящие следопыты. И, однако, ничего такого, что хотя бы отдаленно наталкивало на след пропавшего, не обнаружили.

— Внимательно смотрели? — несколько раз об одном и том же спрашивал Игорь.

— Внимательно, — сказал Петя. — И ничего нет. Только там, за кустами..

— Что?

— Земля свежая, недавно рассыпана, — добавила Тина.

— Где?

— Вон там.

Седлецкий устремился к кустам. Да, здесь, как видно, недавно кто-то копал. Везде под кустами земля была изрыта. Неужели Козик это сделал? Зачем? В пригорке Игорь вдруг обнаружил углубление.

— Глядите, пещера! — воскликнул Игорь. Первое, что бросилось в глаза, была выкопанная яма.

— Ясно, — бормотал он, перебирая в руках комочки влажной земли. — Здесь копали… Но зачем? К чему?

Действительно, зачем копать в пещере — ведь хода отсюда нет. Игорь тщательно обстучал стены, внимательно осмотрел выкопанную яму. В ней оказался какой-то камень. В лесу стало темно, и камень трудно было разглядеть внимательнее. Игорь ощупал его и ничего особенного не нашел: камень как камень, таких в лесу много.

— Ничего нет, — разочарованно сказал он. — Зачем же копали яму?..

В лесном сумраке, где-то в ночном небе, однообразно шумели высокие сосны, низко, густыми басами гудели дубы. Почти над самой землей с шелестом проносились ночные птицы.

Седлецкому почудилось, будто рядом с пещерой кто-то ходит. Может быть, это и есть Козик. Нужно посмотреть.

— Обойдем еще раз поляну… На озеро сходим, — сказал Игорь. — Петя, ты со мной! Тина, останешься здесь… Отсюда никуда. Мы скоро вернемся.

Тина хотела возразить: одна она не останется, но вспомнив, что перед походом обещала строго выполнять все требования пионервожатого, молча уселась у самого выхода из пещеры.

Игорь и Петя ушли.

Стук в галерее

Мальчики не знали, сколько времени они находятся в подземелья. Им казалось, что прошло уже несколько дней. Так обычно медленно тянется время в трудных походах, в невольном заключении. На самом деле прошло не больше шести часов.

В первые же часы они выпили всю воду, которую взяли с собой в бутылках. Теперь их начала мучить жажда. Особенно трудно приходилось Васе Козику — он постеснялся сделать лишний глоток, хотя Андрейка и настаивал, и это теперь сказывалось на его состоянии, он быстро уставал, просил идти медленнее, останавливался, шершавым языком облизывал сухие губы. В подземном зале воды не нашли. То, что они приняли за водяные струи на потолке, на самом деле оказалось извилистыми прожилками какой-то глины с искорками соли.

Мальчики двигались в обратном направлении — от подземного зала к перекрестку. Они считали, что от этого места им легче будет найти верный путь к выходу.

Сейчас важнее всего — не терять времени и, пока есть силы, идти, искать, во что бы то ни стало искать выход. Но идти быстро не так-то было легко. Козик еле двигался. Они отошли от зала не дальше чем на тридцать метров и остановились.

— Ничего, Васек, дойдем, — сказал Андрейка, вытер рукавом лоб и шею и устало опустил голову.

— Андрей, слышишь, — Боярченко кашлянул и придвинулся вдруг к Андрейке.

Седых никак не реагировал на слова товарища. Что может сказать Боярченко?

— Я…я помогу.

— Ты? — Андрейка недоверчиво взглянул на Федю.

— Я тоже буду нести… его. Понимаешь? — последние слова он произнес шепотом.

Но Козик услышал. Он обернулся и с горькой обидой сказал;

— Я лучше поползу… На руках поползу.

— А ты молчи… лучше… — вспылил Федя, хотел еще что-то добавить, но вмешался Андрейка.

— Снова начинаешь… Разве так поступают настоящие товарищи, когда… бывает трудно?

Андрейка ничего больше не сказал, но Федя понял. Седых напоминал о великой дружбе, которая вливала силы, вселяла надежду в мужественные сердца людей, шедших на верную гибель, но не сдававшихся… Как же им не стыдно ссориться? Нужно помогать друг другу — это главное, и только в этом их сила…

Федя не смел взглянуть на Андрейку. Он хорошо понимал, о каких "настоящих товарищах" напоминал Андрейка.

Привал кончился по сигналу Андрейки. Но прежде чем он подошел к Козику, к нему приблизился Боярченко. Подхватив Васю под мышки, помог ему подняться.

— Опирайся… сильнее только, — сказал Федя просто, как будто никогда ничего между ними не было. — И… не дуйся.

Вася несколько секунд колебался, потом неуверенно положил руку на плечо Феди.

Теперь дорогу освещал Андрейка. Федя и Андрейка сменялись попеременно, помогая идти Васе Козику.

Через час они добрались до перекрестка.

Снова сделали привал. Сели у стены, вытянули уставшие ноги. Но не сиделось. Мучила жажда. А воды не было: Ни одной капли.

— Давайте съедим сыр, — предложил Седых. Он достал из ранца оставшиеся два куска сыра и разделил их на равные три части. Но это только казалось, что сыр утолил жажду. Через несколько минут она разыгралась с новой силой.

Считая себя виновным перед товарищами, Федя мучительно думал над тем, где бы достать хотя бы полбутылки воды… В подземельи чувствовалась затхлая сырость, но воды не было. На стенах в этой части подземной галереи не росли даже грибы. Может быть, вода есть в колодце, но как ее оттуда достать? Веревки нет, а без нее до воды не доберешься.

Седых думал о том же, но тоже ничего не мог придумать.

В тишине мальчики вдруг услышали, как где-то в боковой галерее что-то методично стучит — тихо, едва слышно, однако обостренный слух не мог их обмануть.

— Я схожу, — заторопился Федя. — Вы посидите, а я сбегаю… Может, там есть вода.

— Погоди.

— Чего ожидать…

— Далеко только не забирайся, — предупредил Седых.

Галерея, в которую вошел Боярченко, была такой же, как и все остальные. Неширокая, в рост человека высотой. Неровные стены, выступающие глыбы земли делали ее мрачной и глухой. Федя, освещая себе путь и вырезая ножом на стенах метки, шел всё дальше и дальше.

Вскоре он заметил, что галерея уходит влево, и вдруг остановился перед глухой стеной. Он осмотрелся, и здесь увидел то, что стучало. Это действительно была вода. Она стекала откуда-то сверху, тонкой, как нитка, струйкой, бежала по стене и падала вниз. Боярченко осветил место падения воды, подставил руку и, когда натекло немного, хлебнул. Вода оказалась безвкусной, но Федя снова подставил руку, чтобы напиться, и наткнулся на палку. Он поднял ее, ощупал, как слепой, внимательно оглядел. Федя узнал ее. Это была его собственная палка, которую он вырезал перед походом в лес! Значит, здесь должен быть выход! А вода, очевидно, дождевая. Дрожащей рукой он высоко поднял фонарь. Свет заплясал по стене, поднялся выше и уперся в потолок. Прямо над головой лежал большой плоский камень. Тот самый!..

Позабыв, зачем он шел и что искал, Боярченко побежал обратно.

— Вася! Андрейка! Сюда! Скорее! — кричал он что есть силы и бежал, падал, ударялся о что-то острое, вставал и бежал снова.

Когда Тина осталась одна

Тина сидела у входа в пещеру, с нетерпением ожидая возвращения Седлецкого и Волошко. В другом месте и в иное время она бы одна не осталась. Зачем они так сделали? Конечно, проверяют: боится она или нет, и, наверно, думают, что нельзя ей доверять такого дела, как разведка. Тина могла бы им доказать, что ничего она не боится. Вот сейчас встанет и уйдет домой — одна уйдет. Лес она знает хорошо, сколько раз с мамой и девочками приходила сюда собирать ягоды. А что

если на самом деле уйти и всё?.. Огляделась, увидела в пещере ранцы и мешки товарищей и передумала: оставлять их на произвол судьбы нечестно. Мало ли что может произойти.

Тина осталась. Темные густые тени закрыли всю поляну. Недалеко в лесу, может быть, в ста метрах от поляны, вдруг ухнул филин: заливистое эхо раскатилось по чаще. Тина вздрогнула, подобрала ноги и тесно прижалась к стене пещеры. Одна коса ее лежала на плече, другая свесилась почти до земли.

Прошло полчаса, возможно, больше. И вдруг она почувствовала что-то необычное. Отчетливо послышался стук. Стучали, однако, не на поляне, постукивали где-то здесь — в пещере. Она осмотрелась, из-за куста шиповника в это время проглянул бледный свет луны, и почти вся пещера осветилась голубым сиянием. Нет, в пещере никого не было.

Тина настороженно слушала: вдруг снова раздастся тот стук? Но, кроме учащенного биения собственного сердца, она пока ничего не слышала. Прошло еще несколько минут, и в том самом месте, где лежал камень, застучали — сначала один раз, потом еще, потом послышалось какое-то приглушенное бормотание.

Тина почувствовала, что по спине у нее поползли мурашки. Звать на помощь она не могла — язык ее онемел.

В минуту внезапной опасности человек часто забывает об источнике этой опасности, он только видит ее и ищет средств к защите. Так случилось и с Тиной. Она забыла о том, что в лесу, недалеко от этой поляны, потерялся ее школьный товарищ. Она слышала подозрительные невнятные шорохи, и это ее пугало.

Бормотание, между тем, усиливалось, хотя стук и прекратился.

Тина встала, готовая в любую минуту бежать. Вместе с тем ее что-то удерживало. И она… оставалась на месте.

Вдруг на ее глазах камень, в котором Седлецкий не обнаружил ничего особенного, зашевелился и чуть-чуть приподнялся и так и остался приподнятым. Вода, затекавшая с пригорка в пещеру, хлынула в открывшуюся щель.

Но Тина видела только камень, видела, как он шевелится, и чувствовала, что волосы на ее голове тоже шевелятся, словно обдуваемые ветром.

— Еще раз! — раздалось в пещере громче. И камень приподнялся выше. И вдруг в отверстии показалась чья-то голова. Лунный свет упал на нее, и Тина оробела еще больше. Голова повернулась и… заговорила.

— Тина?! Ты?

Это был знакомый голос, он очень напоминал голос Феди Боярченко. Но назвавший ее по имени совсем не был похож на Боярченко: голова взлохмачена, глаз почти не видно, на лице какие-то темные полосы.

В это время из-за куста шиповника показались Игорь Седлецкий и Петя Волошко.

— Тина! — позвал Игорь. — Ты здесь?

Девочка не отозвалась. Она окончательно потеряла дар речи при виде появившегося из-под земли человека.

— Помоги же! — сказал сердито Федя Боярченко. — Камень немного подержи… Чего стоишь? Скорей же! Вода за шею льется. Ух, х-холодная!

— Потерпи малость, поможем.

Это сказал Игорь, бросаясь на помощь отважным разведчикам.

Домой!

Из пещеры вышли Андрейка Седых и Федя Боярченко. Васю Козика они вели под руки.

— Вот он, пропавший без вести, — пошутил Петя и стал перед Васей, глубоко заложив руки в карманы. — Да его ведут, как барина.

— А чистенькие какие — просто ужас, — не утерпела Тина, которая уже успела обрести дар речи.

— Может быть, умоетесь? — предложил Игорь Седлецкий.

И Седых, и Боярченко были изрядно перепачканы. В глине оказались штаны, майка Андрейки и рубашка Феди. Но пуще всех перепачкался Козик. Глядя на него, можно было предположить, что его нарочно и долго мазали глиной. Попал он в подземелье после дождя, и вся глина, по которой он полз или к которой прикасался, оставалась на нем. Не только на рукавах и коленях — глина была на подбородке, на голове, на ушах, лбу и мягких, как сдобные булки, щеках. Козик казался смешным, и Тина звонко рассмеялась.

— Ой умора, ой, не могу. Подбородок и тот в глине… А глядит героем!..

— Мы пить хотим, — сказал Федя. — Дайте скорее воды!

— Во, полная фляга, — поднял над головой Васину флягу Петя Волошко.

— Не хватит — из озера добавим, — заметила Тина.

Напившись, ребята полили друг другу на руки.

Федя, вытираясь носовым платком и кося глазами на Тину, сказал:

— Смеешься? А помнишь, как ты язык проглотила?

Тина не нашлась что ответить: это правда, в пещере она испугалась. Чтобы выйти из неловкого положения, девочка вдруг заторопилась.

— Поздно уже… Давайте пойдем домой.

— Сейчас пойдем, — сказал Игорь. — Расскажите скачала, где это вы были?..

— Котелок вот, видите? — сказал Федя. — Немецкий. И буквы немецкие. Это мы нашли… И бинокль нашли.

Котелок был привязан к ранцу, Федя повернулся так, чтобы его могли увидеть. Все с любопытством разглядывали находку.

— А бинокль? — спросила Тина.

— Вот, — Вася вытащил бинокль из кармана.

— Какой он? — спросил Петя. — Морской?

— Конечно, морской, — уверенно ответил Вася.

— Точно, — подтвердила Тина. Брат ее служил на флоте, и можно было поверить, что она это знает. Возражать во всяком случае не стали,

тем более, что никто, кроме Тины, в самом деле не видел настоящего морского бинокля.

— Мы и пистолет нашли, — сказал Федя совсем спокойно, без тени хвастовства.

— Пистолет! — в один голос воскликнули Игорь Седлецкий и Петя Волошко.

— Самый настоящий, с кассетой, только без патронов. — Федя извлек из ранца пистолет типа "ТТ" с тяжелой массивной ручкой.

Седлецкий молча с напряженным вниманием разглядывал находки и невольно подумал над тем, какими интересными экспонатами пополнится школьный краеведческий музей.

Найденные вещи говорили о многом. И, прежде всего, о том, что в Сахновщине были бои. Теперь необходимо выяснить, кто был хозяином пистолета, как он попал в пещеру. Еще не раз придется приходить сюда. Он хотел спросить, в каком именно месте обнаружены находки, но, взглянув на Андрейку Седых запнулся на полуслове.

Андрейка был бледен, он хотел что-то сказать и не мог. Почему он такой? Что его так взволновало? Почему Боярченко и Козик многозначительно и как-то странно поглядывают на своего товарища?

Седых вынул из кармана блокнот — небольшой, в черной клеенчатой обложке, развернул его и молча подал Седлецкому.

Вожатый перевернул одну страницу, вторую, начал читать и, пока не окончил, не отрывался. По мере чтения он хмурился, густые темные брови сдвигались. Наконец, он прочел заключительные слова предсмертного дневника Антона Седых и несколько минут стоял перед притихшими ребятами задумавшись, уйдя в себя.

Потом, протянув Андрейке блокнот, сказал:

— Он твой… возьми его себе…

Тина и Петя, не зная, что происходит, удивленно смотрели на Игоря, на блокнот в руках Андрейки.

Вдруг Федя Боярченко, поддерживая Васю Козика, шагнул к Андрейке.

— Игорь прав, — сказал он. — Раз дневник твоего отца, значит, и возьми его себе…

Вот в чем дело! Тина и Петя с нескрываемым сочувствием смотрели на Андрейку. Значит, следы отца Андрейки отыскались. Его отец был в пещере, дневник оставил.

Андрейка, хмурясь, отрицательно качнул головой, при этом челочка упала на выпуклый лоб.

— Пусть он… в школе будет… Пусть все читают. — И обращаясь к Седлецкому, попросил. — Только сегодня… я домой его отнесу. Можно? А завтра мы… отдадим. Насовсем.

— Конечно, — согласился Седлецкий. — Возьми, пожалуйста…

Лес стоял безмолвный. На траве лежал чистый, голубоватый свет луны, катившейся между ветвей высоких и будто застывших в немом торжестве дубов и сосен...

По тропке всё ближе к лесной дороге шагала небольшая группа юных разведчиков. Они шли друг за другом, размеренным неслышным шагом. Смоловик шагала по росистой траве, ее спортивные тапочки

промокли насквозь, но, захваченная своими мыслями, она не обращала на это никакого внимания. Вася Козик, которого вел под руку Волошко, старался не отставать ото всех.

Андрейка бережно придерживал рукой ранец, в котором лежал блокнот в клеенчатой обложке.

Федя Боярченко, следуя за Седых, думал о том, что только сегодня он понял Андрейку. Ему не давало покоя чувство неловкости: еще немного и Федя потерял бы друга. Но нет, не потерял! И оттого радостно Феде: есть у него верный, надежный товарищ.

Группа вышла на проезжую, хорошо накатанную дорогу и зашагала бодрее.

Впереди на фоне ночного неба призывно горели далекие трепещущие огни Веселого Подола.